

822. 162. 2-192

П64

ст 11 : 1

ст 11 : 1

XVIII $\frac{12}{25}$

ст 0 : 5

сербизм : 5, 7, 8, 10

12, 15, 18,

19, 20, 34,

41, 43, 44-46, 52

МАЛОРУССКАЯ

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,

ПО СПИСКУ XVI ВѢКА.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

3157

А. Потебни.

Отдельный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

Фундамент - 1 : 26, 33, 51-53

Дом : 31, 32

БОРОНЕЖЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. ИСАЕВА.
1877.

сопи

русин : 22

1924

4583

000000143179

Бібліотека Київського університету ім. Б. Грінченка

881. 161. 2-192: 398.8
(2161.2)

**МАЛОРУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,
ПО СПИСКУ XVI ВѢКА.
ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.**

А. Потебни.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

Проверено
ШНБ 1939

БІБЛІОТЕКА
Ідентифікаційний код 02136554
ІМЕНІ БОРИСА ГРИНЧЕНКА
КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1877

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Імс. № _____

84360 44830

58

МАРШАЛЪМ

НАРОДНАЯ ПЕЧАТЬ

ПО СЛѢДСТВІЮ

Дозволено Цензурой, Москва, 26 Мая 1877 г.

02578

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1877

№ 1
ПЕЧАТЕНА въ ХДХ
Лентиния Пискова

28

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,

по списку XVI в.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Йиречекъ, известный авторъ „Истории народа Болгарскаго“ и мн. др., въ краткомъ отчетѣ о 2 и 3 вып. I-го т. „Архива“ Ягича (Сас. М. Кг. С. 1876), по поводу статьи самого проф. Ягича „Дунавъ—Дунай въ Славянской народной поэзи“, напоминаетъ о томъ, что, сколько извѣстно, до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія на единственный въ своемъ родѣ памятникъ Русскаго языка и народной словесности. Двадцать лѣтъ тому напечатана „Jana Blahoslawa Grammatika Česká“ (Wydali Ign. Hradil a Josef Jireček. We Wídni. 1857), оконченная въ 1571 г. и изданная по рукописи XVI в., гдѣ (стр. 341), какъ образецъ „Словенскаго“ нарѣчія, приведена нижеслѣдующая пѣсня, вѣроятно—изъ Задністровья.

Píseň sľowenská od Benátek, kdež hojně jest Sľowáků neb Charwatů, přinesená od Nikodema *).

*) «Словенская пѣсня изъ Венеціи, гдѣ много Словаковъ или Хорватовъ, принесенная Никодимомъ» (Вацетинскимъ).

Нѣкоторые, говоритъ Благославъ, выраженіе «Словенская рѣчь» принимаютъ за общее и согласно съ этимъ «Словенскій языкъ» дѣлятъ на Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Русь и проч. (340). По мнѣнію самого Благослава, вотъ «важнѣйшіе діалекты въ нашемъ языкѣ:

Первая и главная—рѣчь Чешская, къ коей принадлежать Моравляне и отчасти Слезаци.

Вторая—Словенская, къ коей примыкаетъ способъ говорить различныхъ Хорватовъ отъ Угорской земли въ Константинополю

Dunaju, Dunaju, čemu smuten tečeš?
Na werši ¹⁾ Dunaju try roty tu stojú,
Perwša rota Turecká,
Druhá rota Tatarská,
Treta rota Wołoská,
W tureckým rotě šablami šermujú,
W tatarským rotě strylkami strýlajú,
Woloským rotě Štefan wyjwoda.
W Štefanowy rotě dywoňka płačet,
I płačuci powídała: Štefane, Štefane,
Štefan wyjwoda, albo mě pújmi, albo me líši,
A što mi rečet Štefan wyjwoda?
Krásná dywonice, pújmiť bych tě dywoňko,
Nerownáj mi jes, líšiť bych tě, milenka mi jes.
Što mi rekła dywonka: Pusty mne Štefane,
Skoču já w Dunaj, w Dunaj hľuboký,
Ach kdo mne dopľynet', jeho já budu.
Něchto mě dopľynuť krasnu dywoňku.
Dopľynuť, dywoňko, Štefan wojwoda,
I wzal dywoňku zabiť ²⁾ ji u ručku:
Dywoňko, dušenko, milenka mi budeš.
Amen.

Въ слѣдующемъ чтеніи мои поправки отмѣчены особымъ шрифтомъ; *u* = среднее Мр.; *i* = Вр. *u*; *i* = h.

- 1) Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?
На версі Дунаю три роти ту стоя:
Первша рота Турецка,
Друга рота Татарска,

и оттуда къ Венеціи, частью даже за Средиземнымъ моремъ въ Аоригѣ.

Третья рѣчь—Польская, въ коей отчасти можетъ быть причтена рѣчь Силезская, потомъ—Гусская, Мазовецкая, Московская и нѣкоторая часть Татарь (337).

Впрочемъ Благовладъ знаетъ, что Словенскій діалектъ, въ его смыслѣ, не представляетъ полнаго единства (341).

¹⁾ Na brěhu.

²⁾ Ujať.

- 5) Трета рота Волоска.
В Турецкий мі роті шаблями шермую,
В Татарский мі роті стрилками стріляю,
В Волоский мі роті Штефан воєвода,
В Штефановий роті [а в. та] дивонька плачет,
10) [А в. та дивонька плачет] и плачучи повідала: ³⁾
„Штефане, Штефане, Штефан воєвода!
„Альбо ме пуйми, альбо ме лиши!“
А што мі речет Штефан воєвода?
„Красна дивонице, пуймил бих те, дивонько,
15) „[Пуймил бих те дивонько], неровная ⁴⁾ мі ес,
„Лишил бих те [дивонько], миленька мі ес“.
Што мі рекла дивонька? „Пусти м'не Штефане,
„Скочу я у Дунай, у Дунай глубокий,
„А што м'не доплинет, его я буду“.
20) Не хто мі доплинул красну дивоньку,
Доплинул дивоньку Штефан воєвода,
І взяв дивоньку за білую ручку:
„Дивонько, душенько, миленька мі будеш“.

ПРИМЪЧАНІЯ:

I. Отноительно языка.

—е. *ġeti* съ *e* могло въ XVI в. быть и тамъ, гдѣ теперь чому. *jeho*, а не *joho* еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Галиціи и Буковины. См. напр. *Žeg. Pauli I*, 85; *Голов. Пѣсни въ Чт. 1876. I*, 547.

—и. *try*, *pusty* какъ будто указываютъ на мр. среднее *и*, которое въ это время уже существовало. Поэтому я рѣшаюсь поставить это *и* и въ *šablami*, *strylkami*, *rijmī*, *liši*, *rijmīŕ*, *lišiŕ*, *milenka*. Болѣе всего возможно сомнѣніе относительно *мі* (вм. ожидаемаго *ми*), ибо при

³⁾ Быть можетъ «й плачучи повіда» γ. «повидат» (какъ напр. у Лемковъ).

⁴⁾ Или «неровня».

дат. *mi, mi*, повидимому, встрѣчается и *mi* со средн. *и* (Zeg. Pauli II, 20—1, гдѣ дат. *mu* и *mi, ti*). Въ Буковинѣ *mi, ti* (дат.), однако, если это не ошибка, и *mi* (Купчанко, П. Буков. нар. во 2-мъ т. Зап. Ю. З. отд. Геогр. Об. 419). Ср. въ Вост. Мр. оконч. дат. ед.—*овi* вм. ожидаемаго—*ови*.

—*о*. На основаніи «*w stefanowy rotě*», читаю—*ий* (изъ *ôй*) вм. *у* въ ст. 6—8. На такое же измѣненіе указываетъ *wujwoda* (З) при *wojwoda*; однако во всѣхъ четырехъ случаяхъ ради размѣра предпочитаю обычное и нынѣ воєвода.

Rujmi, rujmiŝ могутъ быть не чехизмы, такъ какъ говоря уже о нынѣшнихъ Мр. *у, уо* изъ *о*, эти или близкіе къ нимъ звуки могли быть въ XVI вѣкѣ слышны въ бѣльшемъ числѣ югозападныхъ Мр. говоровъ, чѣмъ теперь.

—*ѣ*. Вм. осн. *ь* стоятъ: а) *ѣ*: *w rotě*, З, что сомнительно въ виду конечнаго *і* въ «*na werŝi*; б) *і, і*: *na werŝi, powídała, zabiŝ ji u* (очевидно непонятое и искаженное вм. *za biŝuju*); в) *у, ў*: *strylkami, strýlaju* и 8 разъ въ *duwojka* и проч.; *ри* изъ *рь* вѣроятно, но *ди* изъ *дѣ* сомнительно, хотя я и нерѣшаюсь поправить на *дi*. Быть можетъ слышалось *і* несмягчающее предыдущей зубной. И теперь есть Мр. говоры, въ коихъ записывателямъ слышится и *е*, и *і* острое, и *и* (изъ *ѣ*), о чемъ напр. въ моихъ Зам. о Мр. нар. 103, 123, 132. Въ томъ же селѣ Озятахъ Кобр. у. Гродн. г. и тѣмъ же записано: *дывчинонько* и *дивчинонько*, *дывчина* и *дивчина* (Сб. пам. нар. тв. Югозап. кр. I, 72—3, 75). Тѣмъ менѣе точности можно ожидать отъ человѣка, быть можетъ, впервые услышавшаго въ Венеціи (чистую ли?) русскую рѣчь и имѣвшаго лишь смутное понятіе о различіи въ произношеніи *і* и *у*.

—*е* изъ я. *мѣ, тѣ* (вм. *мя, тя*) и теперь напр. въ Галиц. окр. Стрыя. Въ Буковинѣ *мя, тя* (Купчанко I. с. pass.), хотя тамъ же *я* (изъ *я*) нерѣдко=*е, е, і*. Въ 12 стихѣ можно бы ожидать для размѣра мене вм. *мѣ*.

—*м'не* изъ мене (родит. при глаголѣ съ до-, хотя въ слѣдующихъ стихахъ при томъ же глаг.—винительный). Опущеніе *е*, какъ въ Чеш. род. *mne*, Поль. *mnie*, Сѣв.

вр. у мня (Барс. Причит. 57). Ср. также въ Буковинѣ в'на при вона.

—л на концѣ въ рѣчницѣ и проч. въ XVI в. могло слышаться и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь -о.

—jes вм. есь. -ский, а не -ський. См. мое соч. „Два изслѣд.“ 127; Житецкаго Оч. звук. ист. мар. нар. 339. Въ Буковинѣ (Купчанко 1. с.)—ес (есь 418 быть можетъ по ошибкѣ), ский, икий и другіе замѣчательные случаи отвердѣнія з, с, ц (напр. яса вм. яся (род.), озмеш), которые вызываютъ предположеніе, что въ 22 стих. могло стоять не взял в. взяв, а взал, какъ у Благослава.

—što (а не що) обычно въ стар. Мр. памятникахъ и нѣкоторыхъ нынѣшнихъ говорахъ, напр. Заблудовскомъ, Бѣльскомъ; šta съ а есть сербизмъ?

—шт изъ ст въ Штефанъ есть въ Буковинѣ (Купчанко, 1. с. 411). Хотя шт существуетъ въ Чеш. Štěpán и предполагается Польскимъ Szczepan, но могло возникнуть въ Мр. и безъ посторонняго вліянія. Ср. Мр. штовхати, штурхати.

—stoжи въ 3 л. мн.—форма сомнительная. По словенски stoja, въ Буковинѣ похваля, погудя (Голов. Пѣсн. въ Чт. 76 г. I, 536—др.); любя, нося, робя и даже журия се (Купчанко 438), мандруя (вм. ют, ів. 431), віростя (вм. виросгут 442). Формы 3 л. мн. ч. шермю, стріляю (безъ -т) могутъ быть вѣрны: Ср. въ Буковинѣ (Купч. 1. с.) прийдю 454, пишу 580, хотя тамъ же здоймут, дают, пишут. Въ виду рѣшет, гешет, -ть въ dorŕunet' сомнительно: -т (а не ть) въ 3-мъ л. ед. и мн. идетъ полоскою, начиная съ Бѣлостоцкаго у. черезъ у. Пружан., Бѣльскій, Брест., Кобрин., русскія мѣстности Сѣдлецкой губ., часть Волынской (?), Подольскую въ Галицію и Буковину.

—treta вм. -тя. Такъ теперь около Калуши въ Галиціи (Рус. Днѣстр. 41, ів. третому, трете, а не -тє, 37—8) и въ Буковинѣ.

—něchto въ ст. 20—ошибочно вм. не хто, т. е. не кто либо другой, а именно онъ. Ср. напр. у Квитки: „птичі самчики заспівали своїх пісенок... а не хто вже виспівувать, як соловейко; не хто, як упователно Илько Налюш-

ня; сотник зирь! аж то ввійшов не хто, як Григорович; та усе-ж то лепорт, не що білше.

— Чехизмы, внесенные вѣроятно записывателемъ:

на verši в м. версі;

рѣаѣси в м, -чи:

milenka, duwonka, dušenko в м. -енька, -онька, -енько; Ср. Чеш. milenka, dušinka.

ach kdo в м. а хто;

обозначеніе долготъ

— duw-o n-ice. Это образование въ Мр. мнѣ не встрѣчалось. См. однако Mikl. Gr. II, 141. Вр. раздѣв-оня, изнѣженный мальчикъ.

— Изъ ст. 2, 5, 9 видно, что *roma* жен. род.; поэтому въ ст. 6—8 ошибочно стоитъ w tureckym, w tatarskym, wołoskym rotě в м. в турецьки(й) м(и)... роті. Тоже *ми* или *мі* стоитъ правильно въ ст. 13 и 17.

— Въ ст. 20 в м. *pechto me dorŭnuŭ* ставлю *ми* или *мі*, такъ какъ мѣ показывало бы, что говорить сама дѣвица, тогда какъ рѣчь ея уже кончена и говорить пѣвецъ.

О значеніи дательнаго *мі* (или *ми*) въ ст. 6—8, 13, 17, 20 и другихъ подобныхъ дат. личныхъ мѣстоименій см. Бусл. Gr. § 203, пр. 8, гдѣ говорится только о *ти*, *тебѣ* „придающихъ старинной рѣчи особенную искренность и наивность разговорнаго начала“; Mikl. Gr. IV, 601—2, гдѣ разсматривается *dativus ethicus*, основанный на *dat. commodi*.

Нашъ частный случай могъ бы быть названъ дательнымъ поэтическимъ. Онъ выражаетъ сознаніе живости, съ какою пѣвецъ или рассказчикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говоритъ; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ онъ самъ (*ми*), или вмѣстѣ съ слушателями (*намъ*), или—какою онъ предполагаетъ во 2-мъ лицѣ (*ти*, Мр. *тобі*, *вамъ*), какъ отраженіе интереса 1-го лица.

а) *Ми*. „что *ми* шумить, что *ми* звенить давеча рано предъ зорями?“—Игорь плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода, Слов. о Пол. Игор. Поправка *далече* в м. *давеча* (Бусл. Русс. Христ. 98) ненужна, такъ какъ *давч-я*, только что, недавно, сегодня, относитъ къ недав-

нему прошедшему иллюзію воображенія, выраженную настоящими временами и дательнымъ *ми*. „Нелгаль бо *ми* (т. е. не „*мнѣ*“, а „*вѣдь*“ в. „я знаю“) Ростиславъ князь: „луче бо *ми* (=мнѣ) смѣрть, ни Кур'ское княженіе“, Дан. Заточн. сп. Унд. Бусл. Хр. 621, ср. 677.

Тоже *мі* (Головацкій пишеть *ми*) до нынѣ обычно въ Галицкихъ пѣсняхъ болѣе високаго строя, какъ колядки... яворови східці, ходит *мі* по них молода княгиня, Голов. Пѣс. II, 4; з-за там-той гори з-за високої выходит *мі* там золотий крижик, а під тим крижком сам милий госпідь, ів. 7; ей в полі... там же *мі* йоре золотий плужок, ів. 8; виділи *мі* то панскіи слуги ів. 12.

Въ Серб.: Висока јела до неба, Широке гране подвила, Све равно полье прекрила, у полъу *ми* је виноград, у винограду джардини... Кар. Пјесм. I, 333; Пиле су *ми* винце до три јетрвице... ів. 429; И ту нашше (нађоше) протопоп—Неђелька, ђе *ми* служи боже летурђије Пјев, Црног. 118; Вино пију до три побратима На обали Саве и Дунава. Једно *ми* је краљевићу Марко, А друго је Јанко од Сибиња... Ів. 129 и мн. др.

Еще чаще въ Болгарскихъ пѣсняхъ:

Оро *ми* играле триста самовили, Миладин. 2; Сѣнце-то *ми* е на за'од, Самовила е зад гора, ів. 4; Шетал Марко низ гора зелена, Што *ми* шетал три дни и три но-кя... ів. 8; *Ми* помина Марко Кралевике, *Ми* помина низ Клисура града ів. 231; Дзид *ми* дзидале девет майстори ів. 253 et pass.

Поль. «to mi chłopiec!»; Gruntuj że mi, gruntuj mój warzkocku do dna... народ. пѣс.

Луж. см. Mikl. IV, 602.

б) *Намъ*. Ст. 13, А што *мі* речет... ср. со слѣдующимъ.

Та вже-ж до тебе в рік ⁵⁾ Біг приходит,
В рік Біг приходит, три товариші:
Первий товариш—ясне сонінько,

⁵⁾ То есть въ годъ, въ праздникъ

Другий товариш—та білий місяць,
Третий товариш—та дробен дожджик.
А що нам рече первий товариш?
—Ой як я зйду разом з зореми,
Та радує се весь мир на землі,
(Русалка Днѣстр. 38—9);

Ой из за гори, з-за зеленої
Виходит же нам чорна хмаронька,
Але не е-ж то чорна хмаронька,
Але по е-ж то наперед овець,
Наперед овець красний молодець

Ів. 51.

в) *ти*. „Сѣдлай, брате, свои брѣзны комони, а мои *ти* готови... а мои *ти* Куряни свѣдоми кѣмети“ Сл. о П. И. Дубенскій переводить: а мои *тебѣ* кони готовы... а мои-*то* Куряне лихіе наѣздники (Р. Д. III, 33). Первое (тебѣ) не даєть удовлетворительнаго смысла, ибо кони были не Игорю, а Всеволодовымъ Курянамъ; второе (-*то*) предполагаєть въ XII в. на Югѣ употребленіе мѣстоименія указательнаго въ качествѣ члена, какъ нынѣ въ Сѣр. вр. (мой-тѣ, мой-ти), что нетолько недоказано, но и маловѣроятно. Принимая *ти* за дат. поэтический, я перевожу: „а мои *вѣдь* (см. ниже объ этой частицѣ)“, или „а мои, *ты знаєшь*, готовы... а мои (*ты знаєшь*) Куряне извѣстные молодцы ⁶⁾ (удальцы, на гласу јунаци).

⁶⁾ *Свѣдомъ* См. Mikl. Lex. Каково бы нибыло болѣе древнее значеніе слова *кметъ* и независимо отъ его значенія въ ст. Чеш., ст. и нов. Поль., Литов. (изъ Поль. или стар. Русск. *kumetys*), и Серб., въ Русск. XII в. оно имѣло значеніе мужа (какъ воина, взрослога человѣка). Какъ Чеш., Слов. *chláp* въ «*ty si...*» знач. молодець (*ein tüchtiger, braver kerl*) и какъ мжжество, *virtus*—отъ мужъ, *vir*, такъ *кметъство*—не только *collect.* (Новг I, 19), но и *abstract.* удалъство: тогда же Угре на фарехъ и на скакахъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество (т. е. джигитовали). Віяне же дивяхуться Угромъ множеству, и кметъству (въ подл. -ства) ихъ, и комонемъ ихъ, Ип. 56, 20. Такимъ образомъ и *комонъство*—добро-

„Нъ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солицю свѣтъ.... Донъ *ти*, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду“, Сл. о П. И. Дуб. (Дост. III, 169) передь *ти* нехстати подразумѣваетъ *къ* (но *къ* *ти* вм. *къ* тобѣ невозможно) и переводить: „тебя, князь, Донъ кличеть“ (такъ и у Малашева 94). Слѣдуетъ: „Донъ (*ты вѣдь слышиши*), князь, кличеть (быть можетъ о воинственномъ кликѣ Половцевъ)....

„Тяжко *ти* головѣ(ы) кромѣ плечю (род. пад. дв. ч.), зло *ти* тѣлу кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря“ *ib.* Дуб. (*ib.* 251): „тяжело *тебѣ* головѣ... худо *тебѣ* тѣлу“; подобно этому и у Бусл. И. Хр. 597, и у Малашева 98; между тѣмъ *ти* обращено не къ предмету рѣчи, а къ слушателю: „тяжело *вѣдь* (ср. Вр. обл. *знаи*), худо *вѣдь* тѣлу безъ головы; *такъ* Русской землѣ...“

Единъ же... рече посмихаяся Исакию: „оно *ти* сѣдитъ вранъ черный; иди, ими и, Лавр. 84. Этотъ примѣръ для объясненія „*мой-ти* готови“ въ Сл. о П. Иг. Малашева. М. 1871, 105; тамъ же: „Приде ему (Яросл.) вѣсть... отъ сестры его Передьславы: „*си* (=свой, т. е. твой? или=се, вотъ?) отецъ-*ти* умерлъ, а Святопольъ сѣдитъ *ти* Кълевѣ“ Л. 61. Ср. *ib.* 59, 4, гдѣ однако возможенъ и дат. принадлежности.

Она же (вълхва) реста: „сиче нама бози молвятъ: не быти намъ живы(мъ) отъ тебе“. И рече има Янъ: „то-*ти* вама право повѣдали“. Лавр. ¹, 76, гдѣ *ти* становитея уже несогласуемую частицею, какъ и въ двухъ слѣдующихъ примѣрахъ.

Некленитесь Богомъ, ни хреститесь, *нѣту-бо-ти* нужда никоеяже, Мономах. Л. 102. Ср. Вр. нѣту-*ти*, нѣтуть.

та, достоинство, удалъ коня: «конь же его (Андрея), язвѣнь велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалюя комоньства его, повелѣ и погрести надъ Стыремъ, *ib.* 47, 20. Такъ и въ ст.-Поль. *komunnu*—не только конный, но и доброконный: «*Turcy najznaczniejszą w ludziach co komunniejszych kłeskę odnieśli, 1620 г. Pam. o wyprawie Choćimskiej ed. Z. Pauli, 156.*

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како-*ти* есть чело-
вѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ, id. Л. 101.

Оже имешъ княжити во Краковѣ, то-*тъ* мы готовѣ
(=и) твои, Ип.¹ 217. Княже мой господине! аще т(и)
есмь на рати не хоробръ, но на словехъ ти есмь крѣ-
покъ, Дан. Заточ. Бусл. И. Хр. 619.

Кому ти ес(ть) Переславль, а мнѣ Гореславль, ib. 621.

Ино бо ес(ть) лодія, а иное корабль; ино ти конь,
а иное лошакъ; а инъ ти есть умень, а инъ безумень,
ib. 625.

Излишество въ употребленіи этой частицы въ нѣкото-
рыхъ Вр. говорахъ служить предметомъ насмѣшки: „у насъ-
ти въ Ростовѣ-ти луку-ти, чесноку-ти! А навозъ-ти всё ко-
нёвій“, Яроsl. (Даль).

Въ Мр. вост., какъ и въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ
въ подобномъ смыслѣ только *тобі*, *тебѣ*: що в Бога день
-тобі, говорять: ось той недуж, той умирае, а той умер, Кв.

Въ Серб. пѣсняхъ: льепо ти је низ полѣ гледати жу-
ту дуню медју листовима, ка'но Мару медју джеверима, Кар.
I, 48; льепо ти је погледати, како свати китом сједе, ib. 66;
обычно: „Ал' ето-ти...“ v. Ево *тебе* конья и джевојке, ib.
223—4.

Въ Поль. простонародномъ въ смыслѣ *вѣдь*: A miałam
ci miałam złoty pierścioneczek... (Kozłowski, Lud.
Pieśni z Mazowsza, 33); Wzłon ci jom za rącki, wzłon
ci jom za bocki, Oj wrzucił ci jom, wrzucił w ten
Dunaj głębocki. Gruntuj ze mi, gruntuj, mój warkoc-
ku, do dna; Iescem ci jo jesce ty śmirci niegodna, ib.
34 et pass.

Въ Чеш. ti, -t' Zikm. Skl. § 76.

г) *Вы* (дат.), *вамъ*.

Устрѣтоша... мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣ-
ша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича (вин.
мн.) и волость ихъ отънимемъ; иже-ли непоидеши съ нами,
то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“. И рѣхъ: „аще вы ся и
гнѣваете, немогу *вы* я ити, ни креста переступити, Моном.
Л. 100, т. е. вы знаете, вамъ извѣстно, что я немогу.

Въ Буковинѣ *вамъ* въ смыслѣ представьте себѣ, можете

себѣ представить: Парубки посідають собі на гарні коники, та гайда зустрічати... А брат *вам* уберетця въ кармазин.. тай стане собі кінець суток (Федькович, Пов.; языкъ украинизованъ). Дяків такого понасходилося, та як *вам* разом усіма заспівають, то аж якось страхъ слухати, ід.; Вийшла одна (з церкви), неступає *вам* здрібна, ні!... вийшла друга, та *вам* и надюндюжилася, ніби хтось такого діла уже й невидів... вийшла четверта, та *вам* на парубків моргає, аж таки проситця ід.; Василь мій так таки *вам* затужив, що аж неможу *вам* сказати ів.

Для сравненія—о частицѣ *вѣдь*. Вр. *вѣдь*, какъ и Чеш. *vědě*, *věď*, Слов. *ved'*, возникло не изъ повелительнаго (= ст.-Сл. *вѣждь*, Русск. стар. *вѣжь*, и, судя по Галиц. повідж,—*вѣджь*), какъ у Бусл. Гр. § 201, пр. 15, и какъ думаетъ Миклошичъ, опираясь на ошибочную аналогію съ *влядь*, *знай* (Gr. ². III, 316), а изъ 1 л. ед. изъяснительнаго *вѣдь* [Mikl. Lex.; Gr. ¹. III § 688; ². р. 125; въ ст.-Русск. „княже, невѣдѣ, могу ли ся, Лавр. 53, т. е. незнаю, смогу ли, въ силахъ ли; азъ свѣде (=ѣ), Ип. ¹. 30, 9; оже вѣдемъ въ нѣ (въ полкъ Кіевскій), то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біють, Ип. 55, 24; нельзѣ речи: „невѣдѣ, у кого есмь купилъ, Русск. Правд. Син. Р. Дост. I, 36]. Согласно съ этимъ *вѣдь* по значенію (не по образованію) соотвѣтствуетъ Хорут. *vem*, *ven-dag*, Поль. *wiem*, *bo-wiem*, *albo-wiem* (Mikl. Gr. IV, 154). Здѣсь обѣ немъ упоминается не ради обычнаго и въ литер. яз. значенія слегка противительнаго („вѣдь я ему уже далъ! чего же ему еще?“ *ich habe im ja gegeben*) и винословнаго („не трогай его: вѣдь онъ не свой братъ“), а ради плеонастическаго употребленія въ народнопоэтическихъ произведеніяхъ:

Вынималъ онъ изъ налушна тугой лукъ,

Вынималъ онъ *вѣдь* стрѣлку каленую,

Кир. Пѣс. 1, 24;

Поворачивалъ же старой-отъ добра коня

Во дороженьку *вить* ѣхать, гдѣ убиту бытъ,

ів. 87.

А и всѣ на, ширу-ту да напивалисе,

А и всѣ на чесномъ да наѣдалисе,
Да и всѣ на чесномъ *видь* приросхвастались.
Да иной-от-то хвасталъ широкимъ дворомъ,
А другой-от-то *видь* хвасталъ золотой казной...
Только глупой-отъ *видь* хвасталъ молодой женой,
ib. 3, 42.

(Смерть) Со синя-*м* моря шла да *все* голодная,
Со чиста-*м* поля шла да *вѣдь* холодная,
Барс. Причит. 2.

Ты послушай же спорядная сусѣдушка,
Што *вѣдь* я скажу, кручинная головушка, ib. 12.
Приукрылся нонь надежная головушка
Во матушку *вѣдь* онъ во сыру землю,
Въ погреба *вѣдь* онъ да во глубокии, ib. 18.

Въ этомъ смыслѣ *вѣдь* близко подходитъ къ вр. частицѣ
м (не вопросительной, см. выше) и еъ сѣв.-вр. члену.

II. Размѣръ пѣсни о Стефанѣ до нынѣ обыченъ въ
ир. пѣсняхъ. Нормальное число слоговъ въ стихѣ—12.
Обычное мѣсто отдыха (Серб. одмор)—по серединѣ стиха.
Само собою, что, какъ и вообще въ Славянскомъ стихосло-
женіи, отдыхъ есть цезура, совпадающая съ синтаксическимъ
дѣленіемъ, т. е. раздѣляющая или два (рѣдко больше) пред-
ложенія или двѣ относительно самостоятельныя части одного
предложенія: съ одной стороны обращеніе (Дунаю, Дунаю),
съ другой—предложеніе; съ одной—сказуемое съ подлежа-
щими, съ другой—объектъ со своими опредѣленіями или
неопредѣленное съ дополненіями и т. д. Ни количество
тоническихъ удареній, (т. е. удареній отдѣльныхъ словъ),
ни ихъ мѣсто неопредѣлено: въ полустипіи ихъ можетъ
быть отъ одного до четырехъ. Говорить здѣсь о ямбахъ,
хорейхъ и проч. хотя бы и тоническихъ, нѣтъ дру-
гого основанія, кромѣ школярской рутинны. Единственный
метръ есть именно полустипіе. Размѣръ народной пѣсни
первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему син-
таксическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣ-
леніемъ напѣва. Въ пѣпії тоническое удареніе незамѣтно

или малозамѣтно, такъ что отъ пѣнія легко сдѣлать ошибочное заключеніе къ ударенію въ просторѣчій. Этимъ объясняется то, что и при русскомъ, подвижномъ удареніи, и при польскомъ, падающемъ на предпоследній слогъ, размѣръ пѣсни можетъ оставаться тотъ-же.

Изъ примѣровъ, какъ слѣдующіе, въ коихъ я отмѣчаю вост. мр. тоническое удареніе лишь многосложныхъ словъ и главныя слова полустипій, можно убѣдиться, что при совершенной правильности размѣра рѣдкій стихъ въ тоническомъ отношеніи похожъ на другой:

Ой самá я, самá, || якъ биліна в-пóлі...

3-ким вірно люблюся, || не наговоріюся,
Прийдú до-дóмоньку, || заплачу, утрúся.

Якъ ми любілися, || якъ голубів пáра,
Тепér розійшлися, || якъ чóрная хмáра.

Общая, дѣйствительно весьма распространенная черта этихъ и имъ подобныхъ примѣровъ, именно тоническое удареніе на предпоследнемъ слогѣ втораго полустипіа, не должна быть возводима въ законъ разсматриваемаго размѣра и не даетъ еще права думать, что въ говорѣ, къ коему относится наша пѣсня (Дунаю...) произносилось въ просторѣчій течеш, стóят, повідáла, ліши, мí—ес, дівóньку, а не течэш, стóят, повідáла, лішій, мí—ес, дівоньку.

Изъ вышеупомянутой музыкальности размѣра вытекаетъ и то, что его правильности могутъ не вредить извѣстныя отступленія отъ нормальнаго количества слоговъ. Въ слѣдующемъ примѣрѣ каждое полустипіе занимаетъ 2 такта въ $\frac{6}{4}$, но въ 3-мъ полустипіи 8 слоговъ, въ остальныхъ по 6-ти:

Ой сама я, сама || пшениченьку жала,

Якъ прийшла я до домоньку || нема-ж мого пана.

Въ слѣдующемъ тоже, при полустипіи = двумъ тактамъ въ $\frac{4}{4}$:

Ой Боже-ж мій Боже, || на що я вродився?
Гей, гей, гей || на що я вродився?
І кінь ворон, и сам молод, || а ще й не женився,
Гей и проч.

Неслѣдуетъ думать, чтобы нормою было здѣсь чередованіе перваго полустипіа шестисложнаго съ 3-мъ о 8-и слогахъ, ибо безъ нарушенія правильности размѣра и въ 1-мъ можетъ быть 8, и въ 3-мъ 6 слоговъ:

Купиж мені (моя) мати и проч. ⁷⁾

Подобнымъ образомъ можетъ и недоставать слоговъ до господствующаго ихъ количества, напр.

Ой ти дуб, || я береза,
Ой ти п'яний, || я твереза.

Поэтому опасно было бы исправлять такіе стихи, какъ
Альбо ме пуйми, || альбо ме лиши
въ „альбо мене...“ и проч.

Это свойство народнаго пѣсеннаго размѣра можетъ быть перенесено и въ размѣры стиховъ непредназначаемыхъ для пѣнія: равенство времени занимаемаго полустипіемъ можетъ быть выражено и въ простомъ чтеніи при помощи ускореній и паузъ, безъ несвойственнаго большинству новыхъ русскихъ говоровъ различенія долготы и краткости слоговъ въ отдѣльныхъ словахъ.

III. Нѣчто о началахъ пѣсень и проч. (по поводу ст. 1—9 пѣсни „Дунаю“...).

Безъ притязанія на полноту отмѣчу нѣсколько пріемовъ.

1. Пѣсня можетъ начинаться безъ приступа, прямо съ

⁷⁾ Если бы стихосложіе было построено на различеніи долгихъ и краткихъ слоговъ, то невозможно было бы то явленіе, что, при оставленіи въ 6-ти сложномъ полустипіи тѣхъ же словъ, оно посредствомъ вставки новаго слова можетъ быть превращено въ 8-ми сложное, безъ нарушенія правильности размѣра: «Ой Боже-ж мій Боже» = «Ой Боже-ж мій, милій Боже» (Ср. Срез. Мысли объ и. р. яз. 107—8).

событія или рѣчи дѣйствующаго лица: „Ей зажуритця, за-
влопочетця Хмельницького старая голова“...; „Оженила ма-
ти неволею сына“...; „Яе прихав мій миленький с поля“...;
„Що ти, милый, думаеш—гадаеш? Либонь мене покинути
маеш“... Такъ нерѣдко начинаются Вр. былины [„Быль
жилъ Добрыня у дядюшки“, какъ сказка „жилъ-быль N“;
„Сѣдлатъ Добрыня добра коня“...; „Добрынюшкѣ матушка
говорила...], Серб. и Болг. юнацкія пѣсни [Кнѣгу пише
Жура Вукашине... Пије вино Српски цар Стеване...; Кад
се жехи Српски цар Стѣпане; Болг. Седнал Марко с
майка да вечерат...; Стоян на майка думаше...; Шедба
пете Марко Прилепчанец].

Сюда же относятся и начала съ краткаго и сухого
обозначенія мѣста и времени: „Въ стольномъ было городѣ
во Кіевѣ“... „Въ старину было стародавнюю, Кир. Пѣс. 4, 1.

Менѣе непосредственны начала, указывающія на воз-
бужденное состояніе самого пѣвца, на то что онъ пораженъ
удивленіемъ [Серб. „Мили Боже! Чуда великого!...; Гледах
чуда прије невиѣна...; „Стан'те, браћо да ви чудо кажем...;
Болг. Де сж је чуло видело, син боща на сжд да кара,
Милад. 137; Мр. А в неділеньку рано стала нам ся но-
вина... Рус. Дн. 26; Stała nam sie nowina: Pani ra-
pa zabiła]. Обращеніе мысли къ главному дѣйствующему
лицу пѣсни выражается въ началахъ, особенно свойственныхъ
Болгарскимъ пѣснямъ, состоящихъ въ воззваніи къ этому
лицу: „Море, Стоене, Стоене!“ и за тѣмъ пѣсня о болѣз-
ни и смерти Стояна, Милад. 113; „Мори Недо, бѣла Не-
до, Бѣль трандафил неразпукнат, Неразпукнат, нераз-
пѣфтен!“ и за тѣмъ о покищеніи и самоубійствѣ Неды.
Рѣдко встрѣчается нѣчто подобное въ В.-Русск.: „Ой ты
гой еси охотничекъ, Суровенъ (=ецъ) богатъ самъ Сузда-
лецъ! Ъздилъ ты ровно три года, Неубиль ни гуся ни ле-
бедя“... (Кир. 3, 107). Въ Мр. сюда относится начало
думы объ угнетеніи Украйны жидами и о возстаніи: „Зѣмле
Польска, Украйно Подольска! Та вже тому не річок і не
два минає, Як у християнській землі добра немає... Ант. и
Драг. И. Пѣс. II, 25. Сюда же быть можетъ припѣвы, какъ
„Гей Марусенько, чорная галко, пишна паняно“...

За такою видимою простотою скривається значительная степень сложности и отвлеченности мысли. П'єсня является обособленным, самостоятельным ц'єлымъ, освобожденнымъ отъ связи съ предшествующими рядами мыслей, которыя будучи несущественны по отношенію къ содержанію п'єсни, т'ємъ не мен'є одни могли бы объяснить, какъ мысль п'євца перешла отъ близкаго къ далекому, какъ онъ вздумалъ п'єть теперь, о томъ, что „с'ів Христос та вечеряти“ или что „вино пију Новак и Радивој“. Пользуясь народнымъ выраженіемъ „нов'а п'єсня тчетця“, можно сказать, что въ этомъ вид'є п'єсня—готовая ткань, безъ сл'єдовъ т'єхъ нитей, которыми она была прикр'єплена къ станку, когда ткалась. Готовая, она развертывается по желанію слушателя („Кто бы намъ сказаль про старое, Про старое, про бывалое, Про того Илью про Муромца?“ Кир. П'єс. 1, 1, ів. 3, 4, 19, 20), которое опять таки несвязано съ непосредственно окружающею д'єйствительностью, отъ которой неизбежно начинается всякая мысль.

2. Сл'єдующія начала колядокъ зам'єчательны именно т'ємъ, что въ нихъ непосредственное воспріятіе является исходною точкою мысли. На эту непосредственность указываютъ м'єстоименія и нар'єчія указательныя, между т'ємъ какъ дат. *мі*, *намъ*, по выше сказанному, свид'єтельствуютъ о „волшебной сил'є п'єсноп'єнья“:

—З-за *там-той* гори з-за високої

Виходит *мі* (нам) *там* золотий хрест,

Голов. П'єс. II, 6:

—З-за 'ной (=оной) *мі* гори з-за високої,

Відки (=відти) *мі* виходит тонойкій голос,

Тонийкій голос, топори дзвенят ів. 7;

—З-за *оной* гори з-за високої

Відки *мі* виходит овец керделец,

Наперед овец білий молодец... ів. 59;

—На 'них луках, на 'них широкіх

Ген там Волосі церков мурують, ів. 12.

—А там на лукахъ на барз широкіх

Там же *мі* горит терновий огник,

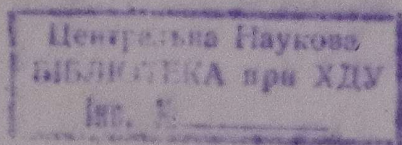
Кол' огня ходит широкій танец ів. 57.

Можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ широкій кругозоръ, дѣйствительно представившійся съ горы глазу пѣвца, окрылялъ воображеніе:

Ей долов мѣ, долов далеко
Там же мѣ ріля та й не йорана ів. 9;
Долов мѣ, долов там церква камяна,
Сидит у нїі... ів. 41;
Ей по-під Бескид, по-під зелений
Синя мгла, гей синя мгла
По полонині полегла!
Там тади лежит давна ⁸⁾ стежейка,
Тов стежейков ишли... ів. 42.

Искусственность и условность извѣстнаго способа изображенія въ народной поэзіи и вообще—явленіе вторичное, предполагающее въ прошедшемъ его полную необходимость и точное соотвѣтствіе съ настроеніемъ минуты. При томъ нельзя положить рѣзкой границы между созданіемъ и воспроизведеніемъ. Поэтому, допуская, что приурочиваніе готоваго содержанія пѣсни къ наличной обстановкѣ пѣвца, списываемой съ природы, могло стать пріемомъ традиціоннымъ, можно признать, что, когда въ пѣснѣ говорится о непосредственномъ воспріятіи, то первоначально это воспріятіе въ самомъ дѣлѣ служило мостомъ для мысли пѣвца. Прежде чѣмъ мысль привыкла начинать съ идеальной дали [Далече далеченько во чистомъ полѣ. Еще подалѣ во раздольцѣ Выѣзжалъ *тутю* удалъ молодець, Кир. Пѣс. 1, 6, 18, 23, 30, 92; Какъ изъ далеча изъ чиста поля Изъ раздольца изъ широкова Выѣзжаетъ тутъ старый казакъ ів. 93; Изъ за горъ было высокіихъ Не ясенъ соколь тутъ вылетываль,... Выѣзжалъ тутъ доброй молодець ів. 3, 100; Мр. „Изъ за гори“...] глазу необходима была эта даль для того чтобы мысль могла вывести изъ нея свои созданія. Въ этой дали для начала нужно было различить свѣтлую точку:

⁸⁾ То есть я думаю, не «давняя», а согласно съ Скр. давијанс, давиштѣа, «далекая».

84360
44330

Што се бјели у гори зеленој!
Ал' је снијег, ал' су лабудови?
(начало знаменитой пјсни о Хасанагиницѣ, Кар. III,
527);

Што бјлеи, що лелеи
На врхъ бјла Бјлашица?
Да ли ми сѣ соспи снеги,
Ели сет бјли лебеде? Милад. 19.

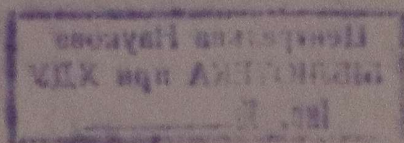
Ухо для начала должно было въ тишинѣ уловить звукъ:

Шо е плюскот во гора зелена?
Али ми је змія присойница? ів. 299.

3. Между ви́шней исходною точкою мысли и глав-
нымъ ея предметомъ, кромѣ сопоставленія въ пространствѣ и
времени, можетъ возникнуть болѣе тѣсная связь сходства и
противоположности, отношеніе знака (символа) къ значенію.
Какъ въ отдѣльномъ этимологически-ясномъ словѣ знакъ
(представленіе) необходимо предшествуетъ значенію, такъ и
въ развитомъ сравненіи первоначальный порядокъ образа и
значенія—тотъ же, а извращеніе его (когда говорится сна-
чала о предметѣ, потомъ о томъ съ чѣмъ онъ сравнивается),
какъ всякая инверсія, есть позднѣйшее усложненіе мысли.

Столь любимыя, особенно въ мр. пјсняхъ, начала съ
символа, который можетъ находиться въ троюкомъ отноше-
ніи къ означаемому ⁹⁾, первоначально вытекають не изъ
какихъ либо артистическихъ соображеній, не изъ умысла
дѣйствовать на слушателя, а изъ внутренней потребности
пѣвца: это разбѣгъ, дѣлаемый мыслью для того, чтобы пе-
рейти къ предмету, недоступному сразу. Первоначально и
здѣсь пѣвецъ начинается съ того, что теперь онъ видитъ
и слышитъ; толкованіе воспринятаго совершается подъ влія-
ніемъ съ одной стороны—господствующаго настроенія, съ
другой—преданія.

⁹⁾ то есть въ отношеніи сходства полного (положительное
сравненіе), неполнаго (между прочимъ отрицательное сравненіе:
<А; но это не А а Б.) и, что менѣе извѣстно, противополож-
ности, предполагающей сравненіе. Второе менѣе свойственно Мр.
пјснѣ, чѣмъ Вр., Серб., Болг.

24820

Та вилетіла галка з зеленого гайка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні.
Вітеръ повіває, сосонку хитає...

Все это передъ глазами; но *хитатись* = *хилитись* имѣеть уже традиціонное значеніе, а если нѣтъ, то такое значеніе могло создаться въ эту минуту, одновременно съ обращеніемъ пѣвца къ самому себѣ:

„Не хилися сосно, бо й так мені тошно“...

(См. мою ст. Мысль и языкъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 62 г. отд. отт. 179—80; „О связи нѣкоторыхъ представлений“ въ Филол. Зап. 64 г. 10).

Лишь позднѣе, подъ вліяніемъ привычки къ такому приему можетъ появиться намѣренное его употребленіе (напр. для заполнения первой половины двустишія, или ради рифмы) и разработка, напр. варьированье начальнаго символа черезъ всю пѣсню, или ея часть:

Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,

Нехилися, гілко, бо й так мені гірко.

Нехилися низько: нема роду близько...

Исподоволь становится возможной та отдаленность и случайность связи между символомъ и значеніемъ, которая въ глазахъ самого народа становится образомъ безсмыслицы:

В огороді бузина, а въ Києві дядько;

Тим я тебе полюбила, що на г. г.

4. Къ упомянутому подъ 2 приему примыкають пѣсенныя начала, изображающія дѣйствія пѣвца, приводящія его къ возможности наблюдать или представлять себѣ то, что составляетъ содержаніе пѣсни:

Ой вийду я на могилу,

Подивлюся у долину:

Ідут Ляхи на три шляхи

А козаки на чотири...

А татари на всё поле...

Рус. Днѣстр. 16—7.

„Ой пійду я, пійду не берегом, лугом“.—

такъ могло быть выражено дѣйствительное намѣреніе; но *луг* въ мр. есть не только обычная рифма (какъ и въ Серб. пѣсняхъ), но и символъ по отношенію къ *друг*, и

подъ вліяніемъ господствующаго настроенія мысль пѣвца направляется въ эту сторону:

„Та чи не зострѣнусь з несуженим другом“.

Вотъ она входитъ въ лѣсъ; ей кажется, что она встрѣтилась съ другомъ и привѣтствуетъ она вмѣстѣ и лѣсъ и его:

(; Ой) Здоровѣ, здоров луже (мій) несужений
друже!“

—Та здорова, дівчино, що любилися дуже.

И такимъ образомъ, подымаясь изъ элементарныхъ душевныхъ движеній, растетъ и закругляется пѣсня.

Подобныя начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми (преимущественно Вруск.), о коихъ я по этому поводу замѣчу слѣдующее.

а) Оставаясь при мнѣніи, что заговоры *вообще* суть обломки языческихъ молитвъ (Аѳ. Поэт. В. I, 43, 414), что чѣмъ болѣе заговоръ подходитъ къ молитвѣ, тѣмъ онъ первобытнѣе, мы впадаемъ въ ошибку. Моимъ слушателямъ извѣстно, что такъ я думалъ и до появленія въ печати соч. Н. Крушевскаго „Заговоры, какъ видъ Русск. народ. поэзіи“ (Варш. Ун. Изв. 76, № 3), гдѣ высказана эта мысль.

Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ существу, которое, по его мнѣнію, на столько человѣкообразно, что можетъ исполнить просьбу, или нѣтъ, что оно доступно похвалѣ и благодарности или порицанію и мести.¹⁰⁾ Конечно, хотя въ заговорахъ почти нѣтъ слѣдовъ благодаренія, но часть ихъ подходитъ подъ понятіе молитвы въ обширномъ смыслѣ, заключая въ себѣ привѣтствіе (напр. „добрій-вечір тобі місяцю, милий князю...“), изображеніе могущества божества, упрекъ, просьбу, угрозу. Тѣмъ не менѣе значительная часть заговоровъ имѣетъ съ молитвою лишь то

¹⁰⁾ Замѣчательны въ Серб. и Болгар. пѣсняхъ обращенія къ ружью, саблѣ, коню съ просьбой выручить. Между прочимъ ср. «Пушко—шарко, и отац и мајко и проч. Vienas Kašić-Miošiću 17; ib. 41; Сабља-ле моя сестрице! Миладин. 257 и друг.

общее, что вытекаетъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось. Нельзя сказать что они вообще отличаются отъ языческой молитвы тѣмъ, что „принадлежатъ къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ, имѣютъ, по мнѣнію говорящаго, принудительное вліяніе (О. Миллеръ, Оп. ист. об. Русс. сл. ² 1, 84), ибо, во-первыхъ въ языческой молитвѣ врядъ ли можно разграничить принудительность и непринудительность; во-вторыхъ, въ заговорѣ можетъ вовсе не заключаться представленія о божествѣ. Опредѣленіе заговора, какъ выраженаго словами пожеланія, которое непременно должно исполниться (Крушевскій 1. с. 23) слишкомъ широко. Оно не указываетъ на исходную точку развитія заговоровъ, какъ *особой формы пожеланія*, присоединяетъ къ нимъ напр. простыя проклятія и ругательства, подъ условіемъ вѣры въ то, что они сбываются, и, какъ увидимъ, существенные элементы причитаній по мертвымъ. Мнѣ кажется, основную форму заговора лучше опредѣлить такъ: это—„словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее“:

„Въ печи огонь горитъ... и тлѣть дрова; такъ бы тлѣло и горѣло сердце у N“ (Майковъ, Вр. заклинанія. Зап. И. Р. Геогр. Об. по Этн. II 1869. 426);

«Limus ut hic durescit et haec ut cera

liqueescit

Uno eodemque igni, sic—nostro Daphnis
amore (Virg. Ecl. VIII, 80),

какъ говоритъ женщина, приближая къ огню два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу, другое изъ воску.

Возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ категорій причины изъ отношеній «cum hoc» и «post hoc», въ частности изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса сравненія и изображенія предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго, объективнаго) и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще); ср. Крушев. 1. с. 24—9. Въ частности, для возникновенія вышеприведенныхъ „присушекъ“ необходимо, чтобы любовь

представлялась дѣйствіемъ внутренняго огня; но вовсе не необходимо, чтобы внѣшній огонь, напоминающій объ этомъ внутреннемъ, сознательно представлялся божественною причиною личныхъ состояній, объясняемыхъ внутреннимъ огнемъ. Подведеніе частнаго явленія подъ общую міровую причину [напр. N (Илья=стрѣляющее Божество) отстрѣливаетъ уроки, пригоры, притки (вообще); пусть и въ этомъ случаѣ будетъ тоже] есть лишь одна изъ возможностей.

Двухчленность заговора, мнѣ кажется, лежитъ и въ основаніи другихъ его формъ, лишь по видимому болѣе простыхъ, а въ сущности относящихся къ первообразной приблизительно такъ, какъ опущеніе субъекта или предиката къ двухчленному предложенію. Въ заговорѣ, съ одной стороны, можетъ остаться одно примѣненіе, одно пожеланіе, одна молитва; съ другой можетъ быть на лицо одно изображеніе символа (будетъ ли это явленіе, имѣющее божественный характеръ, облеченное въ человѣкоподобный образъ, или нѣтъ), при которомъ примѣненіе лишь подразумевается ¹¹⁾.

Въ значительномъ числѣ наличныхъ заговоровъ замѣтно, какъ въ нихъ, съ одной стороны, желаніе, заранее определенное лишь въ самомъ общемъ, спеціализуется подъ влияніемъ случайныхъ воспріятій, съ другой—въ этихъ воспріятіяхъ усматриваются тѣ или другія стороны подъ влияніемъ господствующаго настроенія. Напр. *приколъ* неимѣетъ отношенія къ пчеловодству и въ другое время ни его видъ, ни имя не возбуждали бы въ человѣкѣ мысли о пчелахъ; но когда человѣкъ, будучи озабоченъ своею пасѣкой, находитъ эту вещь, онъ говоритъ: „якъ тое бидло було припъате, не-

¹¹⁾ Напр. «Іхав Рахайло і Михайло на білому коню, вів три хорти, еден білий, другий червоний, а третій чорний: білий біжит, слѣзи лиже; чорний біжит, кров лиже, а червоний біжит, більмо лиже» (тричі сплюнути), Рінокъ Русинамъ на обжинок 267; Ефименко въ Чт. О. И. и Др. 1874, I, № 29. По практикованому способу объясненія это значило бы: вѣтры—псы, сопровождающіе небесныя грозовыя божества, слизываютъ тучи и открываютъ солнце; а такъ какъ глазъ солнцеподобенъ, то пусть въ этомъ случаѣ сойдетъ съ него бѣльмо.

могло пійти від того міста нігде; так би мої матки немогли вийти (одійти?) від пасіки, від мене Р. Б. (Труды Этн. Эксп. въ Юго-Зап. кр. Чубин. I, 74). Лишь послѣ того, какъ случайно (хотя быть можетъ не безъ вліянія міоической связи пчелы и быка, коня, О мио. знач. нѣкотор. обр. 209 сл.) образовалось сочетаніе мысли о конскомъ прикольнѣ и сидѣньи матокъ въ пасѣвѣ, появленіе мысли о послѣднемъ, какъ желанномъ, вызоветъ въ сознаніе и первое. Но тотъ разъ приколь былъ на лицо, а теперь его нѣтъ; остается поискать нарочно. Съ теченіемъ времени возникаетъ требованіе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобъ сидѣли, найди „приколень що коня припинають“, выйми его изъ земли и говори такъ: „якъ тее бидло було припъяте....“ (ib. 74).

Дѣйствіе, сопровождающее здѣсь заговоръ, представляетъ простѣйшую форму *чаръ*. Чары, это—первоначально—дѣятельное умышленное изображеніе перваго члена заранѣе готовой ассоціаціи (именно того, съ чѣмъ было сравнено желанное), имѣющее цѣлью вызвать появленіе втораго члена, т. е. сравниваемого и желаннаго. Достигаемое этимъ болѣе живое представленіе желаемаго, при бѣдности содержанія мысли и ея безсилія отличать субъективное отъ объективнаго; принимается за мѣру, необходимую для появленія желаемаго въ дѣйствительности, за мистическое осуществленіе желаемаго. Чары и первоначально и до нынѣ могутъ неимѣть отношенія къ небеснымъ и мировымъ явленіямъ, и въ этомъ смыслѣ требуетъ ограниченія мнѣніе, что древнѣйшіе обычаи (Gebrauche) оказываются простыми изображеніями небесныхъ явленій“ (Schwartz, Der Ursprung der Mythol. XVI).

Подобно тому, какъ, по сказанному выше, пѣсня можетъ начинаться со случайно даннаго явленія, которое становится символомъ, а также подобно тому, какъ ругательства получаютъ опредѣленное выраженіе подъ вліяніемъ послѣдняго слова отвѣта ¹²⁾; подобно этому и въ заговорахъ

¹²⁾ Напр. «Та я-ж ходив....—А бодай тебе ходило се та те!» или: «Та вже-ж ёго тіточко відтіля випустили. Сам справник

образомъ желаемаго, дающимъ направленіе мысли, можетъ стать какъ чувственное воспріятіе, такъ и слово. Напр. на Благовѣщеніе то, что въ этотъ день празднуется возвѣщеніе зачатія, даетъ поводъ пчеловоду говорить: „Повели Господи пчеламъ зачати ім густие меди и проч.“ (Труды... І Чубин. 71).

Гдѣ нѣтъ мысли о сверхчеловѣческомъ могуществѣ и намѣренной міровой дѣятельности, тамъ, я думаю, нѣтъ мысли о божествѣ; въ противномъ случаѣ понятіе о божествѣ расплывется въ понятіе вещи и явленія. Понятіе о божествѣ не исконно. Заговоры и чары, видимо стоящіе внѣ сферы богопочитанія, хотя бы и воспроизведенные, даже созданные вчера и сегодня, могутъ быть по своему характеру болѣе первобытны, чѣмъ такіе завѣдомо древніе, какъ извѣстный Нѣмецкій заговоръ VIII в. (Бул. Оч. 250), въ коемъ первый членъ сравненія изображаетъ дѣйствія божествъ, и—чѣмъ подобные этому Русскіе заговоры съ несомнѣнными слѣдами языческихъ божествъ. Принимая все это, я имѣю въ виду поправку слѣдующаго мнѣнія:

„Нѣкоторые заговоры, прежде самого заклинанія или мольбы, предлагаютъ описаніе тѣхъ обрядовыхъ подробностей, съ какими въ древности надо было приступать къ этому священному дѣлу: „вставала я раба божія въ красную утреннюю зорю, умывалась ключевой водой, утиралась бѣлымъ платомъ, пошла изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота въ чистое поле и проч.... По этимъ указаніямъ надо было вставать... на зорѣ, выходить въ поле... умываться росой или ключевою водою, символомъ дождя, дарующаго обиліе и щастіе, кланяться на востокъ, гдѣ восходитъ верховное божество свѣта“ и проч. (Аѳ. Поэт. В. I, 414—5).

приїжджав, та випустив!»—А щоб випускала лихая година та нещаслива и вашого справника и старого лисого Макуху (твого батька) зо всім вашим поганим родом и приплodomъ! Випустили? От так ти випускай! (т е вовсе не выпустили) Квитка. Серб. «Нечуо кукавице! (недочекао пролета) Бад ко посліје дугога виканья одговори «чујем» или се правда за што да није чуо. Карадж. Пословице 212.

Подобно этому и Крушевскій (1. с. 31) о формулахъ „встану я...“ говоритъ: „это очевидно совѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ былъ предупреждать самый заговоръ, а *смыслъ оно* съ послѣднимъ позже, когда уже самъ обрядъ несовершался“.

Конечно, когда воспроизведеніе возобладало надъ созданиемъ, когда заговоръ сталъ повторяться буквально, то явилось несоотвѣтствіе словъ „встану я... умоюсь“ и проч. съ дѣйствіями знахаря, который, произнося заговоръ вовсе не встаетъ, не умывается и проч. Такая же неправда—и въ началѣ пѣсни „з-за *ной* мі гори...“, если пѣсня поется напр. въ хатѣ, откуда никакой горы невидно. Въ обоихъ случаяхъ начала могутъ стать готовыми общими мѣстами, легко прилаживаемыми къ любому, тоже готовому содержанию. Но воспроизведеніе и условность предполагаютъ созданіе и полное соотвѣтствіе слова и мысли. Если въ заговорѣ говорится „встану я и проч.“ то нѣбогда такъ и дѣлалось, при томъ не въ силу совѣта знахаря, а прежде, чѣмъ сложились подобные совѣты. Изображенія дѣйствій невозможныхъ, имѣющія лишь символическое значеніе напр. порученія себя покровительству высшихъ силъ [„оболокусь я оболкомъ, обычусь частыми звѣздами“ и т. п. Аѳ. Поэт. В. I, 611, въ родѣ того что въ Мр. загов. „Пресвята Богородица стояла, мені въ поміч ставала“], могутъ разсматриваться какъ позднѣйшія наслоенія. Основная черта этихъ введеній видится мнѣ не въ томъ, что въ нихъ могутъ быть слѣды обрядовъ богопочитанія. Первоначально они—тоже по отношенію къ существенному содержанию заговоровъ, именно къ первому члену заключеннаго въ нихъ сравненія, что начала пѣсень, какъ „Пійду я...“ „Стану я...“, „Сяду я...“ по отношенію къ главнымъ мотивамъ этихъ пѣсень. Это—выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣлать извѣстное наблюденіе, вспомнить, представить себѣ, войти въ извѣстное настроеніе, подвергнуться иллюзіи; это первоначально—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ сѣткался заговоръ. Заговоры съ такими введеніями по формѣ древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва.

Даже въ заговорахъ явно-божественнаго содержания вступленіе можетъ неимѣть никакого отношенія къ богопочитанію. Вотъ напр. идетъ раба божія въ скорби и печали, идетъ, плачетъ и никто ее неспроситъ „о чемъ?“ Видится ей, что встрѣчаетъ ее Матерь Божія, спрашиваетъ, утѣшаетъ, обѣщаетъ исцѣленіе отъ самого Христа. Этотъ личный опытъ вспоминается при другомъ горѣ своемъ или чужомъ; образуется умысль воспроизвести это воспоминаніе и достигнуть того же результата и возникаетъ заговоръ отъ напастей:

„Иду я, плачу-ридаю, Матір Божу совстрічаю. Матір Божа мя питає: „чего ти, раба Божа, рожденна, молитвенна, крещенная плачеш-ридаеш?“—Я плачу-ридаю: велику на собі вражду маю, велику напасть, ненависть, остуду-паскуду, пристрїт и великий ніжень (? нежить? нежит?) на собі маю, та незнаю, де відблагаю.—Йди ти до ріки Йрданї! Сам Христос тя сціляє, очищає й заступає“.

„Відблагай від напасти, ненависти, остуди-паскуди, пристрїту і великого ніжню“ (Подоль. губ. по р. Смотричу. Записано студ. Ив. Стефановскимъ).

Изъ этого примѣра видно также, что молитва и въ заговорѣ, въ коемъ изображаются дѣйствія божествъ, можетъ имѣть второстепенное значеніе. Заговоръ могъ бы быть и безъ послѣдней части („відблагай...“)

Замѣчаемый въ пѣсенныхъ началахъ переходъ отъ изображенія дѣйствительной обстановки къ идеализованной,¹³⁾ обыченъ и въ заговорахъ: „встану я... пойду... подь свѣтлый мѣсяць, подь луну господню къ тому (извѣстному, т. е. живо воображаемому, традиціонному) синему морю Окїяну. У того у синяго моря лежить бѣль алатръ камень...“ (Гуляевъ, Очерки Южн. Сиб. 47).

б) Плачи по мертвымъ (причети, заплачки). Въ богатомъ матеріалѣ, собранномъ у Барсова (Причитанья Сѣв.

¹³⁾ Ой пїйду я, пїйду по-надъ Дунаями,
По над Дунаями вода слоями...
Ой там козаченьчо коня напуває,
Боня із припою (?), сам заплакав стоя.

края, М. 1872) и разбѣяномъ по другимъ изданіямъ можно различить два взгляда на значеніе причитанія по мертвымъ.

Конечно, въ незапамятное время замѣчено то свойство слова и поэзіи, что они, сообщая мысли опредѣленныя очертанія, даютъ исходъ душевному волненію (см. въ моей ст. Мысль и языкъ, Жур. Мин. Нар. Пр. 1862, 165 отд. отт.). Ср. Серб. *разговарати*, развлекать, ободрять („пјевај... те ме разговарај“) и Мр. пѣсню:

...„Нікуди пійти поговорити,
На серцю печаль розвеселити“.

—Йой жінко моя, дружино моя!

Ой єсть у полі та дві тополі,

Третя билина (то вся родина):

Туди пійдемо, поговоримо,

Печаль на серцю розвеселимо.

—Чоловіче мій, дружино моя!

Вже-ж я ходила і говорила:

До мене тополя непромовила

Та на серцю печаль тай нерозвеселила

(Метл. 247).

Надобно понимать буквально, что человекъ опытомъ доходитъ до отрицанія возможности найти собесѣдованіе и утѣшеніе внѣ человеческого общества. Въ весьма здравомыслящихъ простолюдинахъ до нынѣ таится мысль о человечности не только души животнаго, но мертвой природы. Я живо помню старика солдата, который каждый вечеръ заправляя свѣчу въ ночникъ, бесѣдовалъ съ нею: „чого ж ти не гориш? Гори-ж, гори!“. Не риторическая прикраеса въ пѣсняхъ жалоба на долю землѣ, ночи, зорѣ (звѣздѣ).

Согласно съ этимъ одно практическое значеніе обращенія къ мертвымъ и причитанья—то, что легче причитать, хотя бы и нескладно, чѣмъ потомъ вспоминать молча:

„Попусти, да ты, обиднушка, жалкой голосъ,

„Хоть неумильное ¹⁴⁾ складное причитаньице,

ибо

¹⁴⁾ Неумѣлое.

„Молча схватишься, голубонько, наплачешься,
„Спамятуешь свѣта-брата, натоскуешься
(Барс. 192).

Плакальщица настаиваетъ на томъ, что „изъ мертва
живой нестанется“ (Барс. 33, 41; ср. 48, 5—6; 60, 61;
69, 53—7, 73 и проч.), что мертвый неслышитъ, негово-
рить (93, 156 и проч.), что

„Хоть говорю я, бѣдна сирота,
Свою мысль потышалоци;
Хоть и плачу, бѣдна сирота,
Свое сердчѣ надсажаючи...
Несплывать камню поверхъ воды,
Небывать кормильцу батюшку
Въ своёмъ домѣ (Барс. 59).

Но, какъ вообще отрицаніе рождается изъ утвержде-
нія, такъ и отрицаніе возможности бесѣдовать съ мертвымъ,
возвратить его къ жизни является въ плачахъ такимъ же
эмпирическимъ заключеніемъ, какъ въ вышеприведенной
пѣснѣ мысль о безотвѣтности и безчувствіи виѣшней приро-
ды. Этому заключенію въ самихъ плачахъ предпоставляется
твердая вѣра въ возможность возврата, основанная на томъ
болѣе древнемъ воззрѣніи, по которому умереть значитъ
лишь *переставиться*, т. е. перемѣститься, измѣниться (см.
Mikl. Lex. прѣставитися; ср. „не нами установлено (т. е.
обычай) не нами и переставится“ т. е. измѣнится (Даль,
Посл. 311).

Съ этой точки значеніе плача какъ облегченія души—
лишь второстепенное, а въ своей исключительности лишь
позднѣйшее; главное же въ томъ, чтобы „*воскликать*“ мерт-
ваго, „*звать*“ его, „*будить*“ (ср. между проч. Лит. П. Форт. и
Мил. 122, 128, 130), „*просить*“ его вернуться;—въ обращеніи
къ вѣтрамъ чтобы они раскрыли могилу (Барс. 28, 35, 55—6,
68, 70—1, 163), къ водамъ, чтобы размыли ее (ib. 68), къ
ангеламъ, чтобы вложили въ мертваго душу (ib. 58, 68,
70—1, Рыбн. IV, 125), что можетъ находиться въ связи
съ вѣрованьемъ въ двойника, какъ причину жизни и смер-
ти (ср. мою ст. о Долѣ, въ Тр. М. Арх. Об. т. I, 171,

177 сл.)¹⁵⁾. Около кликанья мертвых издревле группируются въ причитаньяхъ другіе мотивы, отчасти болѣе живучіе, напр. куда ты ушоль? зачѣмъ ты насъ оставилъ? не-разсердился ли на насъ (Барс. 184, 192, къ чему примыкаетъ оправданіе передъ усопшимъ, напр. Барс. 90—2)? непожелалъ ли повидаться съ преждеусопшими (Карадж. Пјесм. I, 90)? передай имъ то и то (Кар. ib. 91; Медаковитј, Живот и обич. Црногор. 59—60; Барс. 197, съ чѣмъ ср. русск. и серб. рассказы объ обманщикѣ, приносящемъ вѣсти съ того свѣта и принимающемъ туда порученія и посылки); ты былъ такой-сякой (величанье покойника, напр. Барс. 106 и др., мотивъ, которымъ пользуются комическія пѣсни: „Ти-ж було селом идеш, ти-ж було въ дуду ревеш...); безъ тебя намъ тяжело (изображеніе участи вдовы, сиротъ, родныхъ, ихъ горя, pass.); прійди хоть въ гости (Барс. 19, 65, 218; къ обѣду 96, 101 и проч.; къ ночлегу ib. 308); откуда, и когда и подъ какимъ видомъ тебя ожидать? и многое другое въ высокой степени важное для исторіи вѣрованій и быта.

Вѣрованье въ практическую надобность плача лишь подтверждается другимъ, что плачь дѣтей при смерти родителей возвращаетъ (*завертае*) ихъ съ того свѣта для мученія, почему, чтобы они недолго мучились „при конані“, запрещается дѣтямъ сильно плакать, какъ потому же не слѣдуетъ жалѣть рѣжемой скотины или птицы (Шейковскій, Бытъ Подолянъ 2, 8). Здѣсь, впрочемъ, сказывается уже *ослабленіе* вѣры въ возможность воротить умершаго: если нельзя его воротить *совсѣмъ и надоло*, то нѣзачѣмъ и тревожить понапрасну. Въ самомъ запрещеніи есть неясность, объясняемая, быть можетъ, нерѣшительностью теоретическаго основанія: „синові тяжко, як мати по ёму тужить, а матері весело лежать, як діти плачуть по їй“ (Зап. о Южн. Рус. II, 43).¹⁶⁾ Догадка, что наемъ постороннихъ плакальщицъ

¹⁵⁾ О такомъ назначеніи причитаній—въ ненапечатанномъ соч. студ. Любарскаго «О причитаньяхъ» (по поводу сб. Барсова).

¹⁶⁾ По Болг. пѣснѣ (Милад. 266) плачь матери по сыну,

вытекаетъ изъ стремленія примирить это запрещеніе (какъ явленіе относительно новое?) съ тѣмъ что обычай требоваль плача (Котлярев. О погреб. обр. 215), мало вѣроятна. Намъ или приглашеніе и здѣсь предполагаетъ, во-первыхъ, образованіе класса умѣлыхъ лицъ (ср. пѣвцовъ—слѣпцовъ, знахарей), во-вторыхъ признаніе важности обряда, желаніе родныхъ исполнить его какъ можно лучше, при неумѣнн самихъ сдѣлать это. Для сѣвера есть прямыя указанія, что причитать обязаны именно ближайшіе родственники; племянница говоритъ:

„Какъ народъ да того люди сдивовалися,
„Обо мнѣ баютъ спорядныи сусѣдушки:
„Што тоскуе по желанномъ она дядюшкѣ?
„Кажись въ живности божонны родители?
„Недивуйте того добры многи людюшки:
„То не дядюшко вѣдь былъ, да второй батюшко,
Барс. 217.

Сказанное здѣсь о причитаньяхъ клонилось къ слѣдующему: съ вышеупомянутыми приступами къ пѣснямъ и заговорамъ вполнѣ аналогичны въ причитаньяхъ переходы ко главнымъ ихъ мотивамъ, въ частности—изображенія того, какъ плакальщица дошла до „воскликанья“. ¹⁷⁾ Здѣсь я думаю, врядъ ли кто усмотритъ совѣты знахаря.

Я путемъ иду широкоюй дороженькой,
Не ручей да бѣжитъ быстра эта риченька,
Это я бѣдна слезами обливаюся;
И не горькая осина разстонулася,
Это зла моя кручина расходилася.
Тутъ зайду да я, горюшица побѣдная,
По дорожкѣ на искать-гору високую,
Край пути да на могилушку умершую,
Припаду да я ко матушкѣ сырой землѣ
Я ко этой, побѣдна, къ муравой травѣ,
Воскликать стану, горюша, умильнешенько...

впрочемъ, какъ видно изъ самой пѣсни, обычный, *грьшитъ* мертвую душу и причиняетъ то, что ее изгоняютъ изъ рая.

¹⁷⁾ Ненапечатанное соч. студ. Конорова «о причитаньяхъ».

Затѣмъ самое восклицанье, или, если угодно заклинанье, весьма отличное и, какъ извѣстно, отличаемое отъ заговора:

Ой развѣйся, буря-падара!

Разнеси ты пѣски желтыи! и проч.

(Барс. 35; ср. 19, ст. 14—8 по отношенію къ ст. 19—21; 58, ст. 1—18 по отношенію къ 19 сл.; 70, ст. 1—14 по отношенію къ 15 сл.; 74—5, ст. 1—14 по отношенію къ 15 сл.; 88—9, ст. 1—41 по отношенію къ 42 сл. и др.). Обстоятельность нѣкоторыхъ изъ этихъ вступленій совершенно въ духѣ Вр. пѣсни, которая очень любитъ изображенія второстепенныхъ обстоятельствъ, уже невозможныя въ сжатой Мр. пѣснѣ. Ср. напр. у Барс. 199—200 на тему „весною“ „спамятуешь брата. натоскуешься“ болѣе 40 стиховъ: станешь собираться на гульбище, наберешь воды, умоешься, утрешься, возьмешь ключи и т. д. одѣнешься и тутъ вспомнишь, что у тебя нѣтъ „повозничка“. Подобный мотивъ въ Мр. свадебной пѣснѣ—въ 8-ми стихахъ о 12—13 слогахъ (у Метл. 153-4—16 полустижій).

5. Пѣсня XVI в., давшая поводъ къ настоящимъ замѣткамъ, по началу (ст. 1—8) такъ сходна со слѣдующею, что единство происхожденія начала той и другой кажется несомнѣннымъ:

1. Ой ты нашъ батюшка, тихой Донь!
Ой что же ты, тихой Донь, мутнехонекъ течешь?
—Ахъ какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи?
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
5. Посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутить,
По верхъ меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла, то Донскіе казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то дѣвица съ молодцомъ.
10. Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
„Неплачь, неплачь, дѣвица, неплачь красная моя!
„Что выдамъ тебя дѣвица, я за вѣрнаго слугу:
„Слугѣ будешь ладушка, мнѣ—миленькой дружокъ;
„Подъ слугу будешь постелю слать, со мной
вмѣстѣ спать“.

15. Что возгорить дѣвица удалому молодцу:
„Кому буду ладушка, тому—миленькой дружокъ:
„Подъ слугу буду постелю слать, съ слугой
вмѣстѣ спать“.

Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйну голову

20. И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.
(Сахар. Сказ. Р. Н. Ш, 237).

Въ этой пѣснѣ мутное теченіе рѣки, обычный символъ смуты, печали, ¹⁸⁾ болѣе оправдывается главнымъ содержаніемъ (ст. 10 сл.), чѣмъ въ Мр. о Стефанѣ, развѣ считать въ послѣдней достаточною причиною „смутнаго“ теченія Дуная то, что наверху его—три рѣты, въ томъ числѣ Турки и Татары. Въ Вр. пѣснѣ „*по верхъ* Дона“ понятно, такъ какъ передъ тѣмъ—о днѣ и серединѣ его; въ Мр. „*на версі* Дуная“ въ томъ значеніи, которое выше въ *поверх*, немотивировано; въ значеніи на *вѣчу*, которое приписываетъ этому Благославъ или Никодимъ, *на версі* могло бы стоять, такъ какъ берегъ носить обычный эпитетъ *крутого*, и на оборотъ *гора* значить также берегъ и материкъ, а *верх*—гора, однако *верхъ* въ значеніи берега мнѣ не встрѣчалось. О значеніи „вершина, истокъ рѣки“ здѣсь врядъ ли можно думать. Въ Мр. пѣснѣ ст. 3—8 кажутся болѣе исправными, несмотря на то что разбѣръ ст. 3—5 испорченъ, чѣмъ соотвѣтственные стихи 7—9 Вр. пѣсни, по буквальному смыслу коей выходитъ, что третій отрядъ составляла дѣ-

¹⁸⁾ Ср. въ Сл. о Пол. Иг. «Се вѣтри .. земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля покрывають . ; *Половци идутъ* отъ Дона.. » Относительно *пороси*, ср Мр.

Порох, порох по дорогѣ,
Туман поле покрывае,
Мати сина прогоняе...

Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ читать вм. сомнительнаго «*то-рох... по дорогѣ*» которое некстати заставляетъ думать о торохтѣнны порошннхъ воевъ.

вица съ молодцомъ. Слово *рота*, ¹⁹⁾, а равно и свойства языка Мр. пѣсни, время и мѣсто, когда она записана, могли бы заставить думать скорѣе о движеніи разсматриваемаго начала съ запада на востокъ, чѣмъ на оборотъ.

Однако основныя черты этого начала кажутся несравненно болѣе древними, чѣмъ заимствованіе, что въ Мр. п. XVI в. (на версі Дунаю... шаблями шермут... стрилками стреляют... дивонька плачетъ) видится мнѣ въ началѣ плача Ярославны: „копія поють на Дунаи; Ярославнинъ гласъ слышитъ“..... съ чѣмъ ср. радостное: „Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кыева; Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей“. Въ слѣдующей Бр. пѣснѣ вм. *рота* стоитъ туземное *полкъ*:

Въ чистомъ поли не дымъ, не вада,
Горы, далины и сыра земля,
А на далинахъ чатыри палка:
(У)въ адномъ палку шабли зіяюць, ²⁰⁾
А въ другомъ палку галовки лѣтаюць,
Въ трейцемъ палку *ащець туживъ*.

Эти стихи кажутся мнѣ подлинными; слѣдующіе 12 испорчены и быть можетъ окажутся поддѣльными, какъ и нѣкоторыя другія пѣсни въ томъ же Сборникѣ. Сб. пам. нар. творч. Свз. кр. 42.

Это и подобныя начала могутъ быть опредѣлены такъ: указаніе мѣстности дѣйствительной (см. выше подъ 2) или идеальной разростается такъ, что почти или вполнѣ сравнивается по объему съ главнымъ содержаніемъ, даже перерождаетъ его; широкая рама сама становится картиною, при чемъ и объемлющая даль и объемлемое собраны въ три, рѣже—четыре дѣленія.

Доріжка, доріжка, та широка,
Та широка і далека!

¹⁹⁾ Сибир. свадебная: На лугѣ, лугѣ Стояли три роты,
Три роты военны. Посередь роты ходять Господинъ нашъ полковникъ... Гуляев. Этн. Оч. Юж. Сиб. 14.

²⁰⁾ Sic, т. е. сіяютъ. Таже форма съ з у Шейна. Бр. п. 294.

Як на тій доріжці да жовтіі пісочки,
А на тих пісочкахъ стоять три садочки:
Що в першому садочку соловейки свищуть,
Що в другому садочку зозуленька кує,
А в третёму садочку мати з сином стояла,
Мати з сином стояла, мати сина питала:
„Ой сину мій, сину, хто-ж тобі вірнійший:
„Чи жінка, чи теща, чи мати рідная?

Отвѣтъ сына (6 стиховъ) и есть цѣль пѣсни (Метл. 242). Характеръ третьяго (материнская и сыновняя любовь) какъ бы прообразуется первымъ и вторымъ (соловей и кукушка). Ср. Шейнъ Бр. п. № 554.

Ој Цетиньо, водо поносите!
Ти се синотј *) криво кунијаше,
Да на тебе видје брода нема,
А ја јутрос и подоцне подјох,
И на тебе до три брода надјох:
На једноме китјени сватови,
На другоме момак и дјевојка,
А на третјем братац и сестрица.
Сеја брату зарукавље везе,
Братац сеји мор-доламу шије;
Сеја брату тихо говораше:
„Удри, браца, пуце низ нједарца,
„Да неможе ни јабука протји,
„А камо ли тудјег брата рука“.
Братац сеји тихо одговара:
„Сејо моја, ти си јоште луда:
„Кад ту додје тудјег брата рука,
„Сама тје се пуца распинјати“

(Кар. Пјес. I, 316; ср. относительно тройственности ив. № 462).

*) Здѣсь и далѣе вездѣ в м. Серб. ђ, ѣ, по недостатку шрифта, ставится дј, тј. Прим. Ред.

Взаимная родственная любовь разговаривающих гармонирует съ тѣмъ, что и на двухъ другихъ бродяхъ (или ладьяхъ? См. Кар. Рјечн) пара любовниковъ и сваты.

Въ слѣдующей изящной веснянкѣ—какъ бы четыре попарно противоположаемые связанные между собою медальона: съ одной стороны весна и лѣто, съ другой разлука и бракъ съ нелюбомъ, все изображенное въ своихъ начальныхъ моментахъ:

Розлилися води
На чотырі броди:
У першому броді
Соловейко щебетав,
Зелени сади розвивав; ²¹⁾
У другому броді
Зозулька ковала,

²¹⁾ Одинъ изъ множества случаевъ *cum hoc, ergo propter hoc*, какъ и повѣрье, что жаворонокъ приноситъ весну (для ускоренія чего къ 9 марта, дню 40 мучен., пекутъ изъ тѣста жаворонковъ); что птицы, прилетающія весной, отмыкають врей (О миѣ. зн. нѣкот. обр. 100; Аѳ. II. В. III, 689—90); что (Литов.) весна приходитъ, когда трясогузка сожжетъ кудель, т. е., когда перестаютъ прясть по вечерамъ (*jaun uždēgs kēle kodeli*, вотъ прийдетъ весна, *Ness. Wb. kēle*). Ср. «мале соловья сади розвивае», *Метл.* 361. Такимъ образомъ отъ соловья зависитъ разсвѣтъ:

Ой без малого соловейка і *світ несвітав*,
А без мого миленького гуляння *немає*.
Якъ вилетить соловейко, то й *світа ранше*,
А як вийде мій миленькой,—*гулять веселіше*
Метл. 5—6.

Какъ безъ соловья нѣтъ пѣнья птицъ (потому что остальные противъ него—ничто), такъ безъ милаго нѣтъ радости:

Нема въ саду соловейка, нема й щебетання;
Нема мого миленького, nebude й гуляння.
Ой як в саду соловейки, щибече раненько;
Як мій милий біля мене, гулять веселенько,
Метл. 38—9.

Літечко казала; ²²⁾
У третёму броді
Коничок заржав:

Соловей будить:

«Нещебечіт, соловейки, рано на зорі,
Та незбудит миленького в конорі»...

Сваты спугнули соловья;

Растужилась, расплакалась красная дѣвица:
«Кто на мѣсто соловья въ саду?»

Спроговорилъ удалый молодець:

«Я у тебя соловей во саду,
«Я у тебя молодой въ зеленомъ,
«Я тебя стану споутру рано будить».

(Перм. Сб. I, 489).

Поэтому «Соловей *Буди-мировичь*» значитъ собственно сынъ соловья.

Соловей—утѣшитель. Онъ утѣшаетъ перепелку «що рано з вирію вилетіла» (Метл. 211; Славитј тје ти поцјевати те те веселит', Кар. Пјее. I, 82; ср. ib. 482). Однако есть горе, которое только усиливается отъ противоположности съ пѣньемъ соловья:

Соловейко рабенькій,
Нещебечи въ елиѣ,
Незадавай жалю мнѣ,
Бо я въ чужой сторонѣ (Сб. пр. н. тв. въ
Ой ти соловей, рання пташечко!
Ти нещебечи рано на зорі,
Да необтрусил ранней роси;
Нехай обтрусить моя матюнка
До мене йдучи, одвідуючи,
Моего життя розпитуючи (Метл. 245—6),

т. е. не ты меня утѣшишь, а только мать своимъ посѣщеніемъ.

И такъ *веселая* пѣсня соловья (Сл. о П. «Соловіи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдають», хотя «уныло соловьино жу-пляньице, Барс. Прич. 126) связана съразсвѣтомъ, весной, гуляньемъ, любовью.

²²⁾ Несмотря на обычное общеславянское и литовское сближеніе кукованья и плача—горя, кукушка здѣсь, какъ вѣстница лѣта, образъ развѣ свѣтлой грусти. Ср. слова обращенныя къ далекому милому:

Він дороженьку почув; ²³⁾

А в четвертім броді

Тамь дівчина плаче

За нелюба ідучи,

Своє лихо чуючи (ср. *Ж. Р. I, 44*).

Такъ сказати, сила пѣсни падаєть на четвертый об-разъ. Ср. Шейна Бр. п. № 584.

6. Не самъ пѣвець видить поле, море, „всі краї“, а птица съ высоты полета или съ високаго сѣдалища. Эта широкая сцена нерѣдко, каєъ и выше (5), представляєть тройственное дѣленіе.

Щедровка.

Ой вірле, вірле, сивий соколе!

Щедрий святий вечір божий!

Високо сідити, далеко видиши.

Сідай собі на сивім морі:

На сивім морі корабель на воді,

В тім кораблейку трое (трої?) воротци;

В перших воротейбах місячок світит,

В других воротейбах сонейко сходит,

В третіх воротейбах сам Господь ходит...

Онъ отпираетъ рай и впускаєть души, кромѣ одной, не уважавшей старшихъ родныхъ. Заключеніе „бувай же здоровъ пане Василейку“ и пр. показуєть, что цѣль пѣсни єсть косвенная похвала хозяину и его дому, въ коємъ такой души нѣтъ (Голов. Пѣс. II, 156). Въ Зап. о Ю. Р.

Нехай тобі зозуленька, мені соловейко;

Нехай тобі там тихенько, мені веселенько,

Нехай тобі зозуленька для куваньячка,

Нехай мені соловейко для щєбетаннячка, *Метл. 40.*

²³⁾ Почуяль дорогу—разлуку. Ср.

Ой вінь ірже—трава вьяне:

Він дороженьку чує, *Метл. 18,*

т. є. такъ ржєть, что отъ жалю—жару вьянєть трава. Волосъ тоже трава, а потому «може він такую пісню знає (т. є. такую печальную), що як би заспівав, то й волос би завьяв», *Зап. о Ю. Р. I, 146.*

II, 242 тотъ же мотивъ (Матерь Божія беретъ у сына
ключи, чтобы отомкнуть рай и пекло и выпустить грѣшныя
души, кромѣ той

Що отця й матір та налаяла,
Не налаяла, а подумала), но безъ введенія.

Колядка паннѣ.

А в ліску, ліску, на жовтім піску
Ой дай Боже!

Росте деревце тонко, високо.

Тонко, високо, в корінь глибоко,

В корінь глибоко, листомъ широко;

На тім деревці гуси-лебеді,

Ой сидят, сидят, *далеко видят.*

Ой видят же в'ни чистое поле,

Чистое поле, синее море:

На синім морі корабель пливе,

А в томъ кораблі кречна панночка.

Она хвалится завидному жениху, поповичу, большою
роднею и большимъ приданымъ (партъ), которое за нею
ему дадутъ (Голов. Пѣс. II, 89).

Над річкою, над бистрою

Там журавка купалася,

На бережку сушилася ²⁴⁾,

На всі краї дивилася:

²⁴⁾ На берегу, т. е. на крутомъ, високомъ, откуда далеко
видно. *Сушилася* символически рѣмується съ *дивилася*. Это
начало уже приготовляетъ слушателя къ печальному содержанию
пѣсни, ибо *сухота*—печаль, а *сушиться*—*журиться*:

На морю вутка купалася,

На биражочку сушилася;

Я-ж маладзенька журилася (стужилася),

Шейнъ Бр. п. №№ 174, 237—9.

Самое слово *журавка* напоминаетъ *журиння*, *журбу*.
Когда весною кто увидитъ впервые ключъ *журавлей* и скажетъ
«ось журавлі!» то будетъ весь годъ *журиться*; а если ска-

А в чистім полі, близько дороги
Стоїт грушечка підмурована;
З тої грушечки впала росиця,
Впала росиця на муравицю,
А з муравиці стала кирниця,
А в ті кирниці Господь ся купле

Купаясь, заспорилъ со св. Петромъ, что больше: земля, или небо. Рѣшеніе этого вопроса и есть видимая цѣль пѣсни. Голов. Пѣс. Ц, 32—3.

Ой зашуміла зелен-дїброва.

„Ой чо-ж ти шумиш, ой чо-ж ти звїниш?“

—Ой шумью, шумью, бо в собі чую,

Бо в собі чую дивное звїря,

Дивное звїря, тура-оленя,

Шо на головці девять рїжечків,

А на десятім терем збудован,

А в тїм теремі кречна панночка,

В'на собі ходит, усе шенкує... и проч.

(Голов. ів. 54; Русал. Днѣстр. 37; Zeg. Paul. I, 165).

Многія пѣсни, частью, какъ вышеприведенная, сохранившія значеніе величаній, частью уже необрацаемыя ни къ кому въ частности, построены въ такомъ же широкомъ стилѣ. Похвала челоуѣку состоитъ въ томъ, что онъ отождествляется съ богами (respect. сравнивается съ ними, при чемъ, конечно, возможны различныя степени ясности божественнаго характера предметовъ, съ коими сравнивается челоуѣкъ: мѣсяць—хозяинъ, солнце—хозяйка, звѣзды ихъ дѣти), принимаетъ ихъ у себя какъ гостей, находится съ ними въ родствѣ (въ Мр.; въ Серб. напр. Кар. Пјес. I, 154—5), приводится въ какую либо связь съ міровыми явленіями и силами, напр. когда говорится, что міровое дерево ему корысть, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, небесное (солнце—олень, см. мое соч. О миѣ. зн. нѣкр. обр. 35—9; Аѳ. Поэт. В. I, 638—9) является подножіемъ его терема или города. Приведенная I. с. у меня и у Аѳ. Серб. пѣсня тоже родъ апоѳеозы молодца и дѣвицы:

Што се сија крај горе зелене?
Да л'је сунце, да л'је мјесечина?
Ни т'је сунце, ни т'је мјесечина,
Ветј два златна рога од јелена,
У њима су два града градјена:
У једном је кујунджија Іанко,
У другоме Іанџа хитропрелџа...

Они задають другъ другу трудныя задачи и на этой ихъ хитрости—мудрости имъ честь и хвала.

Врядъ ли дорого купленныя или вынужденныя похвалы, достававшіяся могущественнымъ владыкамъ земли, могли быть художественнѣе этихъ даровыхъ, или, какъ мр. Колядки и щедровки и т. п., оплачиваемыхъ „грудочкою кашки, вильцемъ ковбаски“.

Јабука се вјетру моли,
Да јој гране необломи:
„Да мој вјетре, неломи ме,
„Неломи ме, некрши ме!
„Ја сам теби род родила:
„Сваку грану дв'је јабуке,
„А на врху ³¹⁾ и четири.
На врх соко' гн'јездо вије,
На корјен ми ³²⁾ змаје сједи,
Змај соколу поручује:
„Ако пуштих жива огња,
Гн'јездо тју ту попалити
„Титје тју ти пофатати“.
Соко' змају одговора:
„Мој' су титји полетари;

³¹⁾ Это слово даетъ поводъ пѣвцу лично отъ себя, а не отъ лица яблони, перейти къ тому, что на вершинѣ, что у корня.

³²⁾ *Ми* относится къ пѣвцу (dat. eth.) и не служитъ доказательствомъ, что это рѣчь яблони, какъ у Бараджича.

„Брзо тје ми полетјети
„Пут онога славна мјеста,
„Добре гласе однијети,
„Да смо сви здраво и весело“.

(Кар. Пѣс. I, 488).

„Можно бы подумать, замѣчаетъ Караджичъ, что пѣ-
вецъ *прибавилъ* послѣдніе три стиха „друштва ради“, т. е.
что они также несущественны, какъ напр. въ заключеніи
мр. думъ прибавки „на многа літа“, „всімъ послухающимъ“,
„сѣму домодержавцю“. Мнѣ, напротивъ, кажется, что вся
пѣсня, сходная съ мр. колядками о райскомъ деревѣ, от-
носится къ разряду величаній и вся направлена къ послѣд-
нему стиху: птенцы того славнаго сокола, который вьеть
гнѣздо на вершинѣ мірового дерева (Сканд. Yggdrasil, Ае.
Поэт. В. II, 280) приносятъ намъ „добре гласе“. Ср.

....долетјеше сиви соколи,

Донијеше доматјину киту маслине:

Честито ти, доматјине, у двор веселје,

Кар. ib. 10.

Пребываніе у мірового дерева или на немъ имѣтъ
смысль безопасности и благополучія. Такъ, по крайней мѣ-
рѣ, въ слѣдующей Болг. пѣснѣ.

Будинская Яна такъ хороша, что изъ за нее весь Бу-
динъ бьется; её посватали два царя, а третій хочетъ по-
хитить. Яна бѣжитъ отъ него въ лѣсъ,

Найде дре'о кипаро'о:

Во корен-от змех му лежит

На върво'и славей пейт.

Ми се скрила Будин-Яна

Зме'о-тому под криля-та.

Царь посылаетъ за нею пословъ. Тѣ вырубили весь
лѣсъ, кромѣ того дерева, подъ которымъ скрылась Яна, и
ненашли ее. Милад. № 167.

Изникнало едно дърво,

Едно дърво дафиново

Колку вишно, толку лично; ³³⁾

33) Прекрасное.

Корен-от му по 'сь (вся) земля,
Гранки-те му—слано море,
Вършен-от му въ сино небе,
На вършен-от ми си има
Вишни сарай ³⁴⁾ варакли, ³⁵⁾
Покрива му гивгирліа, ³⁶⁾
Скала-та ³⁷⁾ му бълъ карагрошъ,
Пармадзи-те ³⁸⁾ ялдезли. ³⁹⁾
Тамо седе Мавро-Яни...
Съ негова-та първа любов
Първа любов Ангелина,
Съ балдаза ⁴⁰⁾ му Магделина;
Піать, ядять, аинк чинат ⁴¹⁾.

Это благополучіе уничтожается приходомъ Турокъ. Мавро-Яни съ семействомъ успѣваетъ бѣжать. ів. № 177. [Неясна мнѣ ів. № 165. По видимому это величаніе мальчику].

Тотъ же смыслъ благополучія имѣеть пребываніе подъ міровымъ яворомъ въ слѣдующей Бр. свадебной пѣснѣ.

Хто там в нас въ церами цихо гавориць?

—Систра брата навучаиць:

„Паѣдзиш ты, брахалька, жаницися...“

„Нястаняви коника подъ рабиной:“

„Рабина—дзерива нящасливая:“

„З-подъ камля рабину вадой мыиць,“

„Пасирод рабины черви точуць,“

„А з макушки рабины (у?) птици влююць.“

„Станави коничка подъ ягорой:“

³⁴⁾ Дворецъ.

³⁵⁾ Золотистый.

³⁶⁾ Сводчатый?

³⁷⁾ Лѣстница.

³⁸⁾ Перила.

³⁹⁾ Золотыя, позолоченыя.

⁴⁰⁾ Свояченица.

⁴¹⁾ Веселятся.

„Ягора ⁴²⁾—дзерива *щасливая*:

„З-под камля ягора сытой мыць,

„Пасирод ягора пчолки бруюць, ⁴³⁾

„А з (на?) макушки салавы пяюць.

Шейнь Бр. п. 472-3 и 480-1.

Въ волочобной пѣснѣ (на свѣтлый праздникъ) честь п хвала дѣвицѣ, что у нея кубокъ и перстень изъ золотой рясѣ мирового дерева:

В чистом полѣ стаяла бироза,

Стаяла бироза тонка—высока,

Да на той бирозѣ широка лисця,

А на том лисци дробная роса (раса?).

Хтож тую росу обиваць будзе?

Подбирала росу красная панна,

Красная панна, молода Ганна.

Яна падбирала, в рукавец клала,

Да з рукавца брала, злотничкам давала.

„Ты злотничку, ты работничку!

„Ты скуй же мнѣ три надобнички (надобочки?)

и проч. ів 101, съ чѣмъ ср. Галицкія и Польскія колядки панинѣ о золотой рясѣ, которую оббиваютъ райскія птицы и которая панинѣ на пользу, напр. Рус. Днѣстр. 41—2; *Z. P. I*, 8 и въ Сборн. Я. Θ. Головацкаго.

Въ волочобныхъ же пѣсняхъ молодца величаютъ тѣмъ, что онъ ѣдетъ на охоту, видитъ сокола (орла)—на яворѣ („яворѣ“, „древцо тонко-высоко, Тонко-высоко, лисцдем широко), хочеть его застрѣлить каленой (ошиб. 109 „каменной“ (!) стрѣлой), а соколь обѣщаетъ въ пригодѣ стать, перенести его съ невѣстой черезъ быстрюю рѣку, широкое море (Шейнь, Бр. п. 102-3, 108-10).

⁴²⁾ Варіантъ—ягоро. Быть можетъ это остатокъ конечнаго глухого звука, подавшій поводъ къ переходу этого слова въ женскій родъ.

⁴³⁾ Быстро летаютъ, роятся? у Даля «вода бруить», сильно стремится, струится русломъ.

8. Въ заключеніе—нѣсколько словъ о многостропотномъ Словѣ о полку Игоревѣ.

„Начяти же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню“. Если подѣ *былина* понимать здѣсь не эпическую пѣсню (Безсон. въ 7 в. Пѣс. Кир. 76 и другіе), а совершившееся событіе (Дубен.; „по былинамъ“ = „по исторической, положительной колѣѣ фактовъ“ Бусл. Оч. I, 395); то мысль такова: хотя о походѣ Игоревѣ и прилично было бы („не лѣполи“ = лѣпо) говорить „старыми словесы“, но эта „пѣснь“ (далѣе „повѣсть“) будетъ придерживаться событій, будетъ болѣе исторична чѣмъ „старыя словеса и замышленіе Бояново“. Разница между этимъ замышленіемъ и пріемами, которыхъ предполагаетъ держаться авторъ, видится въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, „Слово“ есть повѣсть о полку Игоревѣ, о событій, а не о личности; между тѣмъ Боянь (въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его пр. Буслаевъ, а не кн. Вяземскій) творилъ пѣсни именно князьямъ („аще кому хотяше пѣснь творити“...), въ томъ смыслѣ, мнѣ кажется, въ какомъ теперь въ колядкахъ славятся хозяева. Въ Сл. о полку Игоревѣ славленіе играетъ дѣйствительно второстепенную роль: „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а по тѣмъ молодымъ пѣти: Слава... здрави князи и дружина“...

Во-вторыхъ, авторъ Слова ненамѣренъ слѣдовать болѣе частнымъ пріемамъ Бояна: Его „слово“ не есть пѣснь, сопровождаемая рокотаньемъ струнъ, а „повѣсть“: Въ *началь* пѣсни („аще кому *хотяшетъ* пѣснь *творити*“) Боянь „растѣкашеться мыслью“ и проч., а авторъ Слова этого нехочетъ или неможетъ дѣлать.

Что такое „растѣканіе“, объ этомъ наиболѣе убѣдительно до сихъ поръ мнѣніе—въ Оч. Бусл. I, 394—5: „ничего лучшаго нельзя найти въ нашей народной поэзіи для объясненія этого вдохновеннаго полета фантазіи Бояна, какъ извѣстная прелюдія, которою Русскіе пѣвцы до позднѣйшихъ временъ начинаютъ свои пѣсни:

Высота ли, высота поднебесная;
Глубота, глубота—окіянь море;

Широко раздолье,—по всей землѣ;

Глубоки омуты,—днѣпровскіе;

Точно такъ же, какъ авторъ „Слова“ говорилъ о Боянѣ, такъ и теперь можно сказать о народныхъ пѣвцахъ, что они, замышляя повѣсть о Владимірѣ..., или о Соловьѣ Будиміровичѣ, пускаются волкомъ по землѣ, взлетаютъ сизымъ орломъ подъ облаки“.

Мнѣ кажется, я непротиворѣчу существенному въ этой мысли, измѣняя или только перифразируя ее такимъ образомъ. Прелюдія „высота-ли“ къ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ (Кир. IV 99, изъ Кирши Дан.) собственно говорить: „если ужъ высота, такъ высота поднебесная“ и т. д. Хотя она и не чета тѣмъ похожимъ на пародіи географическимъ и этнографическимъ обзорѣнямъ, между прочимъ мокрыхъ подоловъ, которые сведены г. Безсоновымъ (Рыбн. II, XXIX слѣд.), но она дѣйствительно имѣетъ съ ними то общее, что изображаетъ не конкретный случай паренія мысли, а схему многихъ пареній. Если такъ, то, мнѣ кажется, народная пѣсенность даетъ для сравненія многое лучшее, чѣмъ упомянутая прелюдія.

Выраженія Слова о П. И. о Боянѣ: „растѣкашеться мыслию по древу“, „скача, славію, по мыслену древу“ (т. е. по воображаемому, фантастическому дереву, переходя мыслью отъ его корня до вершины) могутъ быть намекомъ именно на тѣ случаи, когда въ величаньяхъ изображалось міровое древо, между прочимъ и съ поющимъ соловьемъ на вершинѣ, соловьемъ, котораго авторъ „Слова“ примѣнилъ къ самому пѣснотворцу. Подобная догадка высказана А. Майковымъ (Стихотв. III 230), который однако читаетъ „мыслью“ вм. „мыслию“ и неимѣетъ въ виду значенія мифологическаго дерева въ величаньяхъ.

Выраженіе „летая орломъ подъ облакы“ безъ всякой мифологичности, но съ тѣмъ же примѣненіемъ къ пѣвцу, который самъ паритъ тамъ, гдѣ его мысль, можетъ относиться къ пѣсеннымъ началамъ съ ширянья и буянья.

Наконецъ „рища въ трону трояню“, если миновать неудачную поправку г. Тихонравова (вм. Трояню—Бояню) и вытекающую изъ нея интерпункцію, и если, какъ это и

дѣлають (Дуб., Бусл.) „рица“ относить къ Бояну, можетъ указывать, кто бы ни былъ Троянъ, на пѣсенныя начала, изображающія дальнюю тропу, въ родѣ „Доріжка, доріжка та широка... (см. выше), или въ родѣ тѣхъ запѣвокъ, въ коихъ мысль слѣдитъ за рѣкой отъ ея истока „из-подъ той березы сподъ наклѣпины“ до моря (Рыбн. IV, 56, Кир. 3, 1; Рыбн. III, 69).

IV. Главное содержаніе пѣсни о Стефанъ (ст. 9—23) совершенно отлично отъ сходной по началу вр. пѣсни (Сах. III, 237, см. выше). Кажется, что эта послѣдняя имѣетъ предметомъ событіе дѣйствительное отъ начала до конца: дѣвица нехочетъ быть холопской женой и барской полюбовницей, и за то убита. Ср. Шейнъ Р. н. п. I 340-5. Въ Мр. пѣснѣ къ области мало-идеализованной дѣйствительности относится желаніе дѣвицы выяснитъ свои отношенія къ Волошскому воеводѣ Стефану, его колебаніе между любовью и опасеніемъ неравнаго брака и конечное рѣшеніе.

„Неровня“ ср. со слѣдующею Бр. пѣснею, въ которой впрочемъ возбуждаетъ удивленіе упоминаніе Кіевскаго князя, которое что-то ужъ очень архаично:

За горою, за крутою,
Туды ѣхав Кіевски князь.
Тамъ гуляюць три танóчки, ⁴⁴⁾
Три танóчки, всё дзѣвочки.
„Богъ поможи тремъ танóчкамъ,
„Тремъ танóчкамъ, всё дзѣвочкамъ,
„Всё дзѣвочкамъ мѣщанóчкамъ!“
Обмовилася (?) сялянóчка:
„На здоровье, Кіевски князь!“
—Взяў бы цябе, няровна мнѣ.
—Въ майго бацьки палѣпши грубы топоуць,
Грубы топоуць, воду носоуць.

Шейнъ Бр. п. 72, № 131.

⁴⁴⁾ Хороводы.

Что же до употребленного дѣвицей героическаго средства вызвать это рѣшеніе, то оно принадлежитъ къ области традиціоннаго поэтическаго символизма и болѣе древне, чѣмъ приуроченное къ нему событіе. Ср.

...Дав же він (козак) ми кониченька тримати,
А сам пішов дороженькі шукати.
Тримаю коня до темної ночі,
Виплакала я мої чорні очи.
Ой що коник тупне, то мі серце пувне,
Але я ся бою козака молодого.
Коник най тупче, найдутся на то ліки;
Козак (і)зрадит—не слава на віки.
Ой пуцу коня в пустое поле,
Сама я скочу въ глубокое море.
Я молодая въ мору потопаю,
І(а?) все на козака оком ся згледаю ⁴⁵⁾
Ой пришов козак коника піймати:
„Даж же ми (ту), Боже, дівчину зловити!
„Ой же бим тя зловив (ї), міг бим тя стискати,
„Допіро-м навчив (ї) до море скакати....
(Ž. Pauli, P. L. R. II, 20).

Впрочемъ здѣсь символизмъ еще не такъ ясенъ, какъ въ свадебной пѣснѣ:

У неділю рано
Море сі розіграло;
Дівчина потопала,
Свого вітца жидала: ⁴⁶⁾
„Татуненьку мій любий!
„Недай ми утонуті,
„З тим Дунаєм ⁴⁷⁾ поплинути“.

Отець несмѣть, неумѣть плавать; тоже и мать; милый смѣть и спасаетъ (Ž. P. I, 108; подобная у Метл.

⁴⁵⁾ Тонуть по мр. символикѣ значитъ вообще гибнуть, слѣдовательно: «я гибну, но все нетеряю на него надежды».

⁴⁶⁾ Бажала.

⁴⁷⁾ Идеальная обстановка. Обычное сочетаніе «Дунай—море плисти»; «По над морем—Дунаем»... и проч.

128—9). Паули сравниваетъ эту пѣсню со слѣдующею Сербскою:

Ој шумица трњана
И водица ладјана,
По нјој плови девојка,
Та неплови да тоне,
Ветје плови да види,
Отје л' мајка жалити.

Мајка иде на броде
Па се баца каменом:
„Тони, тони, дјаволе;
„Ни си моја ни била.

Тоже повторяется объ отцѣ и братѣ; за тѣмъ

....Плови до види
Отје л' драги жалити.

Драги трчи на броде
Па он гаца у воду;

„Оди к мени душице!

„Ти си моја и била. Кар. I, 204.

Это одинъ изъ многихъ способовъ изображенія мысли, что „милый лучше отца, матери и всего рода“. (См. напр. у Кар. I, №№ 285—300).

Испытаніе такимъ способомъ того, кто больше любитъ и кому сужено, весьма похоже на гаданье. Оно и въ самомъ дѣлѣ является гаданьемъ о замужествѣ посредствомъ пускаемаго на воду вѣнка, символа дѣвицы: „Хто вінок пойма, Той мене вѣзьме“ (Метл. 19, 332; Рус. Днѣстр. 36—7; у Сахар. Ск. Р. н. III, 210 вѣночекъ тонетъ — милый тужитъ; ср. ib. 260, 2). Спочъ ть въ Дунай — выйти замужъ:

Паслала мяне маци
На дунай вады браци.
Я вады нибрала,
Коло виру скавала;
У вир ускочила,
Вадой замуцила
И пяскомъ закруцила.
Няжди мене, маци,

К абѣду з вадою,
К вячери з судами,
А жди мяне, маці,
На дзевятое лѣто,
На дзiesiąтую зиму
А у лѣта в чавночку,
А у зиму в вазочку
З бѣленьким сыром,
З маленьким сыном,
З молодым зяцем,
З малым дзицяцем.

Шейнъ Бр. п. 119-20, № 169.

Переплыть Дунай (смотри прекрасную пѣсню у Шейна, Бр. п. 164, № 254, съ которою ср. сказку о младшемъ братѣ, что доскочилъ царевны, а также колядки о взятіи города и панны), спасти утопающую—такіе же символы брака, какъ и переводъ черезъ мостъ, переправа черезъ воду (рѣку, Дунай, море), переносъ черезъ воздушныя пространства, о чемъ въ моей статьѣ „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“. Древности, Арх. Вѣст. М. Арх. Об. 1868, Ноябрь и Декабрь.

15 Января, 1877.

К. 10000
 В. 10000
 А. 10000
 П. 10000
 Н. 10000
 Д. 10000
 А. 10000
 С. 10000
 В. 10000
 С. 10000

История...

История...
 История...
 История...
 История...
 История...
 История...
 История...
 История...
 История...
 История...

10-12-1877

